

ИСТОРИЯ

В. Л. Егоров

ЗОЛОТАЯ ОРДА:
МИФЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ИСТОРИЯ

9/1990

В. Л. Егоров,

доктор исторических наук

ЗОЛОТАЯ ОРДА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Издательство «Знание» Москва 1990

Редактор: ПЕТРЕНКО Л. П.

СОДЕРЖАНИЕ

Монгольские завоевания в XIII в. и образование Золотой Орды	4
Государственное устройство Золотой Орды	15
Города Золотой Орды	22
Быт и культура населения Золотой Орды	33
Основные этапы политической истории Золотой Орды	43
Примечания	62

Егоров В. Л.

Е30 Золотая Орда: мифы и реальность. — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История»; № 9).

ISBN 5-07-001438-2

15 к.

С понятием Золотая Орда, тесно связанным с монгольским нашествием на Русь, мы знакомимся еще со школьной скамьи. Что же представляло собой это государственное образование, почему золотоордынские ханы могли держать в своем подчинении многие соседние народы, в том числе и русские княжества? На эти и ряд других вопросов читатель найдет ответ в этой брошюре.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов, широкий круг читателей.

0503020200

ББК 63.3(2)43

ISBN 5-07-001438-2

© Егоров В. Л., 1990 г.

Золотая Орда была одним из крупнейших государств средневековья, владения которого находились в Европе и Азии. Ее военная мощь постоянно держала в напряжении всех соседей и очень долгое время никем не опаривалась. Монархи даже отдаленных стран стремились завязать с ней дружественные отношения и всеми силами их поддерживать. Наиболее предприимчивые купцы преодолевали огромные расстояния, чтобы попасть в ее столицу, которая по праву слыла крупнейшей торговой базой между Востоком и Западом. По всему миру разносили путешественники и торговые караваны правдивые рассказы и невероятные легенды о народах, населявших Золотую Орду, их своеобразных обычаях и кочевой жизни, о богатстве и мощи правивших здесь ханов, бесчисленных стадах скота и бескрайних степях, где можно было неделями не встретить ни одного человека.

Правдивые и вымышленные рассказы об огромном государстве кочевников продолжали свое существование и после его исчезновения. И сегодня интерес к нему не ослабел, и его история уже давно изучается во многих странах. Но до сих пор в оценке многих политических и бытовых сторон жизни и истории Золотой Орды встречаются самые противоположные мнения. И к тому же до настоящего времени существует в научных работах и учебной литературе да и просто в самом распространённом восприятии истории целый ряд заблуждений или утвердившихся стереотипов, связанных с Золотой Ордой¹. Это относится к ее территории и границам, названию государства, наличию городов, развитости культуры, соотношению понятий «монголы» и «татары», некоторым моментам политической истории и т. п.

Большая часть широко распространившихся штампов о Золотой Орде возникла еще в прошлом веке, и существование их связано исключительно с пренебрежением к изучению этого во многом своеобразного государства. Явная и резко отрицательная роль Золотой Орды в истории Руси в первую очередь бросается в глаза при ознакомлении с любым источником, раскрывающим их

взаимоотношения. В результате в науке создавалась такая ситуация, когда по большей части изучалась не только сама Золотая Орда, а ее влияние на Русь и их взаимоотношения. Причем даже и эта сторона нередко ограничивалась набором самых общих суждений и декларативных заявлений, всегда подкрепленных широко известными цитатами из работ К. Маркса. Но эмоционально глубокие и политически точные мысли Маркса звучали бы еще рельефнее, если бы они были дополнены многообразием конкретных исторических фактов, событий и цифр.

Что же касается изучения собственно Золотой Орды, то здесь господствовало суждение о ней как о государстве-угнетателе, не заслуживающем внимания советских историков. Особую осторожность и бдительность проявляли редакторы при публикации сюжетов на золотоордынские темы. Любой положительный факт по отношению к государству монголов казался немислимым и подвергался сомнению. Нельзя сказать, что Золотая Орда стала запретной темой в науке, но нежелательной она была явно. Отпечаток на это наложила и политическая конъюнктура, когда в 60-е годы Мао Цзедун приписал все монгольские завоевания XIII в. китайскому государству, распространив его западные пределы до Дуная, хотя сам Китай был завоеван Чингисханом и его сыновьями и долгие годы находился под властью монголов.

Но несмотря ни на что, золотоордынская тематика была и осталась одной из традиционных в российской дореволюционной, а затем и советской исторической науке. Без знания истории и путей развития огромного, мощного, во многом необычного и в полном смысле слова кровожадного государства (лишь несколько лет его существования были мирными!) нельзя понять многих сторон сложения и роста средневековой Руси, нельзя полностью оценить течение событий европейской политики в XIII—XV вв.

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В XIII В. И ОБРАЗОВАНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

За тридцать лет до появления кочевнических орд под стенами русских городов, в 1206 г. на берегу центрально-азиатской реки Онон собрался курильтай (съезд) степ-

ной аристократии. Как это часто бывает в истории, вопрос, который он должен был решить, для всех давно был ясен самым категоричным и однозначным образом. Да и кандидатура была всего лишь одна — Темуджин. Требовалось лишь провести формальный юридический акт утверждения каана (верховного правителя) нового монгольского государства. В длительной, жестокой, коварной и изощренной борьбе Темуджин сумел объединить разрозненные и враждующие монгольские кочевые племена в единое государство. И в глазах всей степи, освободившейся от изматывающих кровавых межплеменных и родовых стычек, именно Темуджин был по праву достоин титула верховного правителя. Самые знатные нойоны (князья) степи посадили его на белоснежный войлок, подняли к вечному синему небу и общим словом утвердили неслыханный до сих пор в степях титул — Чингисхан.

Первый владыка единой Монголии создал дотоле невиданную десяти тысячную личную охрану; все население поделил на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч), перемешав тем самым племена и роды и назначив властителями над ними своих преданных слуг. Прекратились степные междоусобия, грабежи торговых караванов, угоны скота у соседей и продажа соплеменников в рабство. Все живущие за войлочными стенами юрт вздохнули свободно и стали привычно вершить круговорот своей жизни от летнего предгорного пастбища до зимней долины, укрытой от ветров.

Но не прошло и пяти лет со дня курилтая, объявившего Темуджина Чингисханом, как монгольские матери проводили от порогов юрт своих сыновей, призывая вечное синее небо сохранить им жизнь. Теперь монгольская кровь лилась во славу каана не у родных берегов Онона и Керулена, а за много дней пути от них на юг и на запад.

До своей смерти в августе 1227 г. Чингисхан сумел заложить территориальную основу новой огромной империи, которую составили не только народы, жившие в непосредственном соседстве с Монголией, но и Китай, и Средняя Азия, и степи к западу от Иртыша. Смерть новоявленного претендента на обладание всем миром не изменила политики его наследников. Они всеми силами стремились выполнить завещание основателя династии — распространить свою власть повсюду, куда

доскачут копыта монгольских коней. В результате во второй половине XIII в. огромные пространства от берега Тихого океана до Дуная оказались под властью Чингизидов. Естественно, что о политическом и экономическом единстве всех частей такого исполина не могло быть и речи, хотя какой-то период его старались поддерживать из основанной Чингисханом столицы Монголии Каракорума. Но уже в 60-х годах XIII в. империя распалась на отдельные части (улусы). Столица ее была перенесена из Каракорума в Ханбалык (нынешний Пекин), а сама правящая династия на китайский манер стала называться Юань.

В степях севернее озера Балхаш и Аральского моря от Иртыша до Яика (Урала) раскинулся улус старшего сына Чингисхана Джучи. Его наследники постоянно предпринимали попытки расширить владения отца, но особого успеха они так и не добились, видимо из-за недостатка сил. Положение круто изменилось в 1235 г., когда на курилтае было решено оказать мощную поддержку сыновьям Джучи Орда-Ичену и Бату в завоевании Восточной Европы. Их войска были усилены отрядами еще нескольких монгольских принцев и лучшим полководцем Чингисхана Субудеем, одержавшим победу над русско-половецкими силами на реке Калке в 1223 г. Возглавил весь поход второй сын Джучи Бату, называвшийся в русских летописях Батыем.

С осени 1236 г. эта огромная армия опустошила и обескровила Волжскую Болгарию, Русь, половецкие кочевья, Таврику, Польшу, Чехию, Венгрию и весной 1242 г. вышла к Адриатическому побережью, что вызвало панику при дворах римского папы и даже французского короля. Однако здесь монголы неожиданно остановились и начали медленно отходить на восток. К концу 1242 г. все их войска расположились на зимовку в причерноморских и прикаспийских степях, известных у восточных летописцев под названием Дешт-и-Кыпчак. Именно эта территория и стала ядром будущего государства, известного нам под названием Золотая Орда. Отсчет его политической истории можно начинать с самого начала 1243 г., когда Ипатьевская летопись сообщила, что Бату «воротился есть из Оугорь»² (Венгрии) и когда великий князь Ярослав первым из русских правителей прибыл в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение.

В территориальном отношении Золотая Орда обычно ассоциируется со степными просторами, сплошь населенными кочевниками, а где-то посреди бесконечных степей находится столица государства — город Сарай. Такое представление справедливо лишь отчасти и для определенного времени. Если оценивать общую площадь, то Золотая Орда несомненно была крупнейшим государством средневековья. Арабские и персидские историки XIV—XV вв. суммарно сообщали о ее размерах в цифрах, поражавших воображение современников. Один из них отмечал, что длина государства простирается на 8, а ширина на 6 месяцев пути. Другой несколько сокращал размеры: до 6 месяцев пути в длину и 4 — в ширину. Третий опирался на конкретные географические ориентиры и сообщал, что эта страна простирается «от моря Константинопольского до реки Иртыш, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Бабелебваба (Дербента) до города Болгара, то есть приблизительно на 600 фарсахов»³. Цифры эти хотя и впечатляют, но дают лишь самое общее представление, охватывая как раз пояс европейско-азиатских степей и подтверждая сложившийся стереотип.

Детализация границ Золотой Орды связана с явной недостаточностью сведений в письменных источниках и поэтому нужные данные приходится собирать буквально по крупицам, привлекая также материалы археологии. Но сначала нужно отметить два существенных момента. Во-первых, территория государства не оставалась стабильной, изменяясь на протяжении всего периода его существования; она то сокращалась, то вновь увеличивалась. Во-вторых, специфика золотоордынских границ состояла в том, что все окружающие народы старались как можно дальше селиться от районов обитания монголов из-за вполне понятной заботы о собственной безопасности. В результате по периметру золотоордынских кочевий возникали «пустые места», или, применяя современный термин, нейтральные зоны. В ландшафтном отношении они обычно представляли собой переходные лесостепные районы. Как правило, они использовались попеременно то одной, то другой стороной в хозяйственно-промысловых целях. К примеру, если летом золотоордынцы пасли здесь скот, то зимой русские занимались охотой. Правда, нужно отметить, что подобные нейтральные зоны особенно характерны лишь для XIII в. —

периода наибольшей военной агрессивности монголов. В XIV в. они постепенно начинают осваиваться окружающими Золотую Орду оседлыми народами.

Общая территория государства в XIII в. обрисовывается следующими пограничными линиями. Восточные пределы Золотой Орды включали области Сибирь и Ибирь с пограничными реками Иртыш и Чулым, отделявшими владения Джучидов от метрополии. Окраинными районами здесь являлись Барабинские и Кулундинские степи. Северная граница на просторах Сибири находилась в среднем течении реки Оби. О конкретных опорных точках этой линии источники не сообщают, и можно лишь предполагать, что она совпадала с природной растительной зоной, позволявшей пасти скот. Южная граница государства начиналась в предгорьях Алтая и проходила севернее озера Балхаш, затем тянулась к западу через среднее течение Сырдарьи, южнее Аральского моря, к улусу Хорезм. Этот район древнего земледелия составлял южный улус Золотой Орды с центром в городе Ургенче. Находившаяся несколько южнее Ургенча Хива уже не относилась к владениям Золотой Орды. Примыкавшие к Хорезму с северо-запада плато Устюрт и полуостров Мангышлак были также зоной кочевий Золотой Орды.

На западном берегу Каспийского моря пограничным городом, принадлежавшим Джучидам, был Дербент, который восточные летописи называли Железные Ворота. Отсюда граница тянулась вдоль северных предгорий Кавказского хребта к Таманскому полуострову, полностью входившему в состав Золотой Орды. На протяжении XIII в. кавказская граница была одной из самых беспокойных, так как местные народы (черкесы, аланы, лезгины) еще не были окончательно подчинены монголам и оказывали завоевателям упорное сопротивление.

Таврический полуостров также составлял часть Золотой Орды с начала ее существования. Именно после включения в территорию этого государства он получает новое наименование — Крым, по названию главного города этого улуса. Однако сами монголы занимали в XIII—XIV вв. лишь северную, степную, часть полуострова. Его побережье и горные районы представляли в это время целый ряд полузависимых от монголов мелких феодальных владений. Наиболее важными и известными

ми среди них были итальянские города-колонии Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава). В горах юго-запада существовало небольшое княжество Феодоро, столицей которого был хорошо укрепленный город Мангуп. Отношения с монголами итальянцев и местных феодальных владельцев поддерживались благодаря оживленной торговле. Но это несколько не мешало сарайским ханам время от времени нападать на своих торговых партнеров и рассматривать их как собственных данников.

К западу от Черного моря граница государства тянулась вдоль Дуная, не переходя через него, до венгерской крепости Турну-Северин, закрывавшей выход из Нижнедунайской низменности. Северные пределы государства в этом районе ограничивались отрогами Карпат и включали степные пространства Пруто-Днестровского междуречья. Именно здесь начиналась граница Золотой Орды с русскими княжествами. Она проходила примерно по рубежу степи и лесостепи. Между Днестром и Днепром граница тянулась в районе современных Винницкой и Черкасской областей. В бассейне Днепра владения русских князей кончались где-то между Киевом и Каневом. Отсюда пограничная линия шла к району современного Харькова, Курска и далее выходила к рязанским пределам вдоль левого берега Дона. Восточнее Рязанского княжества от реки Mokши до Волги тянулся лесной массив, заселенный мордовскими племенами. Монголов мало интересовали территории, покрытые густыми лесами, но, несмотря на это, все мордовское население полностью находилось под контролем Золотой Орды и составляло один из ее северных улусов. Об этом со всей конкретностью свидетельствуют источники XIV в. В бассейне Волги на протяжении XIII в. граница проходила севернее реки Суры, а в следующем столетии она постепенно смещалась к устью Суры и даже южнее его. Обширный район современной Чувашии в XIII в. полностью находился под властью монголов. На левом берегу Волги золотоордынское пограничье тянулось севернее Камы. Здесь располагались бывшие владения Волжской Болгарии, превратившейся в составную часть Золотой Орды без каких-либо намеков на автономию. Проживавшие на среднем и южном Урале башкиры также составляли часть государства монголов. Им принадлежали в этом районе все земли к югу от реки Белой.

При рассмотрении русско-ордынского пограничья особый интерес представляют некоторые его участки, которые можно назвать буферными зонами. Они выделяются по описаниям путешественников, летописным данным и подтверждаются археологическими материалами. Буферные зоны представляли собой довольно обширные районы между владениями Золотой Орды и Руси, протяженность которых с юга на север составляла от 50 до 200 км. Своеобразие их состояло в том, что здесь проживало русское население, возглавлявшееся золотоордынской администрацией. В качестве примера можно привести описание такой зоны Плано Карпини, проезжавшего в Золотую Орду через Киев. Выехав отсюда, путешественник прибыл «к некоему селению по имени Канов (совр. Канев), которое было под непосредственной властью татар»⁴. Следующим на его пути оказалось другое селение «начальником коего был алан по имени Михей»⁵. Расставшись с Михеем, путники проделали по льду Днепра пятидневный путь и лишь после этого встретили первую монгольскую пограничную заставу в степи. Получается, что между русским Киевом и первой монгольской заставой, охранявшей собственно золотоордынскую территорию, находилась особая (буферная) зона.

Появление буферных зон на русско-золотоордынском пограничье явилось результатом монгольских походов 1237—1240 гг. Во время неоднократных проходов по этим областям войск Бату население их частично было уничтожено или угнано в плен, а частично переселилось в более спокойные северные районы. Владевшие такими уделами русские князья в результате оказались, с одной стороны, в опасном соседстве с монголами, что было чревато не только полной политической зависимостью, но и постоянной угрозой тяжелого хозяйственного разорения. С другой стороны, экономика этих районов была не просто подорвана, а требовала огромных усилий для ее возрождения, что явно не соответствовало численности оставшегося здесь населения. В результате некоторые князья оставили свои уделы, перебравшись на север и предпочтя служить у более крупных феодалов.

Такие же буферные зоны отмечены в верховьях Днепра и Южного Буга (город Бакота и Болоховская земля), под Курском (Ахматовы слободы) и в районе Тульского степного коридора. Последний представляет собой

широкий и глубоко врезающийся в русскую территорию степной клин вдоль правобережья верховьев Дона до Оки. Именно здесь находится знаменитое Куликово поле, которое в русских летописях отнесено к территории Золотой Орды. В результате археологических исследований последних лет здесь обнаружено значительное число мелких русских поселений. Судя по найденному в них инвентарю, здесь проживало именно русское население, но среди находок нет-нет да и встретится характерная золотоордынская керамика. Русские по религиозным соображениям брезговали пользоваться этой посудой, хотя она и превосходила их собственную по качеству и красоте. Стало быть, здесь бывали представители золотоордынской администрации, глава которой, баскак, как отмечено в источниках, имел резиденцию в Туле. Все это подтверждает наличие Тульской буферной зоны. Есть данные, что подобная буферная зона находилась и вдоль южной границы Рязанского княжества.

Особо нужно подчеркнуть, что военная мощь Золотой Орды позволяла сохранять в неприкосновенности границы государства на протяжении всего XIII в. и начала следующего столетия. Однако во второй половине XIV в. положение резко изменилось, монголы уже не имели сил удерживать свои растянутые рубежи, и Золотая Орда один за другим начала терять окраинные улусы.

Очерченные границы свидетельствуют, что Золотая Орда действительно представляла собой одно из самых больших государств средневековья. В полном соответствии с военной мощью и огромной территорией должна была находиться и общая численность населения государства. С этнической точки зрения оно представляло собой очень пеструю смесь самых разных народов. В первую очередь среди них нужно отметить представителей поработанных завоевателями волжских болгар, русских, буртасов, башкир, мордву, ясов, черкесов. Были здесь также персы, армяне, греки, грузины, азербайджанцы. Но основную массу населения Золотой Орды составляли жившие в степях до прихода завоевателей кипчаки, или, как их называли русские, половцы. Явный перевес кипчакского компонента над всеми остальными привел к созданию своеобразной ситуации. Уже в XIV в. завоеватели стали растворяться в кипчакской среде, забывая свою культуру, язык, письменность. Этому способ-

ствовала и произошедшая в начале XIV в. смена религии.

Один из арабских историков, который, можно сказать, своими глазами наблюдал этот процесс, так описал его: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделали их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»⁶. Нужно отметить, что и в других монгольских государствах завоеватели постепенно растворились в среде коренного населения.

Нарисованную средневековым историком картину подтвердили раскопки золотоордынских захоронений XIV в. Антропологические исследования материалов из этих могильников полностью подтверждают постепенное растворение пришлых монголов в кипчакской среде. О числе собственно монголов, оставшихся после завоевания с ханом Бату в Золотой Орде (значительная часть войска вместе со своими предводителями вернулась в Монголию), в летописях содержатся довольно скудные сведения. Известно лишь, что Чингисхан выделил своему старшему сыну Джучи в личное владение такое число подданных, какое способно было выставить 4000 воинов. Произошло это в начале 20-х годов XIII в., и ко времени образования Золотой Орды выделенная Чингисханом квота должна была увеличиться за счет естественного прироста. Однако нужно учитывать и то, что Бату вынужден был половину подданных отдать своему брату хану Орде, а также гибель части войска во время похода 1236—1242 гг. на Европу. Короче говоря, имеются лишь косвенные данные о численности монгольского войска, оставшегося с Бату в завоеванном Дешт-и-Кыпчаке. Оно могло состоять из 40—50 тыс. воинов, а с учетом их семей монгольская часть населения Золотой Орды увеличивалась еще в 4—5 раз. Естественно, все это очень приблизительные подсчеты. Что же касается определения общей численности населения Золотой Орды, то для приведения более или менее обоснованной цифры данных пока слишком мало. Для создания общего представления можно лишь сказать, что в XIV в. население

столицы государства, города Сарая, составляло около 75 000 человек. По средневековым европейским масштабам это был огромный город.

И, наконец, особо нужно рассмотреть вопрос о соотношении названий «монголы» и «татары», а также о правильности широко употребляемого сейчас наименования населения Золотой Орды «монголо-татарами».

Ознакомление с древними летописными источниками показывает, что этноним «монголы» был широко известен в древней Центральной Азии. Он применялся как самоназвание нескольких племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Однако исторически сложилось так, что повсюду, где появлялись монгольские войска Чингисхана и его наследников, их называли татарами. Это связано исключительно с китайской летописной традицией, с XII в. упорно именовавшей всех монголов, включая самого Чингисхана с ближайшим окружением, черными татарами⁷. Однако ни сами Чингизиды, ни монгольские армии, появившиеся в Европе под предводительством Бату, не имели к татарам никакого отношения. Они называли себя исключительно монголами⁸, а свое государство монгольским⁹. Что же касается собственно татар, то они в XII — нач. XIII в. обитали вдоль северной границы Китая, охраняя подходы к Великой Китайской стене от набегов кочевников, в том числе и монголов. Китайские императоры за эту службу выдавали татарским предводителям ежегодное установленное содержание серебром и различными товарами. Название «татары» в средневековой китайской историографии соответствовало европейскому понятию «варвары». Именно поэтому китайцы распространили этноним «татары» и на другие племена, обитавшие к северу от собственно татар. Однако при этом последних они именовали белыми татарами, то есть более культурными, причастными к плодам и достижениям китайской цивилизации, а живших в северных степях, лесах и горах монголов именовали черными татарами, что носило уничижительный оттенок, подчеркивая их дикость.

Собственно татары никогда не были союзниками монголов и никогда не участвовали в их завоевательных походах, а наоборот, постоянно враждовали с ними. Отец Чингисхана Есугей в XII в. нанес татарам крупное поражение, за что через несколько лет они его отравили. Чингисхан, придя к власти в Монголии, жестоко

отомстил им за смерть отца, устроив кровавую резню. Результаты ее так оцениваются в «Тайной истории монголов» устами самого Чингисхана: «Мы сокрушили ненавистных врагов — татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы в справедливое возмездие за их злодеяния поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси»¹⁰. В результате в самом начале XIII в. татары практически перестали существовать не только как военная сила, но и как народ, поскольку по приказу Чингисхана были вырезаны даже младенцы ростом выше тележной оси. Целенаправленный геноцид истребил татар как политическую и этническую единицу, но их имя в китайских исторических сочинениях того времени продолжало применяться по отношению к монголам. Оно-то и было принесено в Европу купеческими караванами задолго до появления здесь войска хана Бату.

Русские и западноевропейские летописи по отношению к населению Золотой Орды обычно употребляли этноним «татары», хотя посетивший в середине XIII в. это государство Г. Рубрук особо отмечал, что основатели улуса Джучи всегда называют себя монголами. Побывавший здесь другой путешественник, П. Карпини, прямо озаглавил свои записки «История монголов, именуемых нами татарами». Более поздние русские историки пытались ликвидировать показавшееся им несоответствие между хорошо известным названием «монголы» и постоянно встречающимся в летописях «татары». В трудах В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина названия «монголы» и «татары» рассматриваются как принадлежащие двум разным народам. Причем оба историка считали, что название «татары» применялось к завоевателям потому, что большая часть монгольского войска состояла из татар¹¹.

Точка зрения Татищева и Карамзина на этот вопрос прочно утвердилась в науке в XIX в. Основываясь именно на ней, в 1823 г. учитель географии Первой Санкт-Петербургской гимназии П. Наумов впервые ввел в употребление словосочетание «монголо-татары»¹². В результате исторически ошибочного и ничем не подтвержденного объяснения и возник неуклюжий, но устрашающий гибрид «монголо-татары», по мысли его создателя обозначавший союз двух народов, объединившихся для завоевания мира. Это явное несоответствие фактам ис-

тории настолько прочно укоренилось в науке, что употребляется многими учеными до сегодняшнего дня. Источники же свидетельствуют, что в войсках Чингисхана, а тем более Бату татар практически не было. Конечно, поголовно всех татар до единого монголы не смогли истребить и какое-то количество их спаслось от избиения. Например, известно, что одна из жен Чингисхана была татаркой. Но число уцелевших татар было столь ничтожно, что они не могли оставить сколько-нибудь заметного следа в истории. Однако благодаря историческому заблуждению и прочно установившейся традиции имя их и сегодня сохраняется на этнической карте нашей страны, хотя современные татары не имеют никакого отношения к народу, обитавшему в средние века на границе с Китаем.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Прежде чем рассматривать государственное устройство Золотой Орды, нужно выяснить следующий существенный момент: как называлось это государство во времена его существования. Вопрос этот возникает потому, что ни в одной современной Золотой Орде летописи не встречается такого ее названия. Известная монография Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского также не дает на него ответа. Можно выделить три стороны проблемы: как называли свое государство сами монголы, как его именовали окружающие соседи и какое название утвердилось за ним уже после распада.

Во всех монгольских государствах, возникших в XIII в., утвердились правящие династии, ведущие свой род от Чингисхана. Глава каждой из них рассматривал выделенную ему или завоеванную территорию не как государство, а как родовое владение. Кипчакские степи получил старший сын Чингисхана Джучи, который и стал основателем правившего здесь многочисленного семейства Джучидов. В полном соответствии с этим каждый из вступавших на сарайский престол ханов называл свое государство просто «улус», т. е. народ, данный в удел, владение. Сохранился ярлык хана Тохтамыша, в котором он именует свое государство Великим Улусом. Такой пышный эпитет, подчеркивавший мощь дер-

жавы, использовали и другие ханы, особенно при дипломатической переписке.

Что касается наименования государства Джучидов представителями европейских и азиатских держав, то здесь царил полный разнобой. В арабских летописях оно чаще всего называлось именем правившего в определенный момент хана, с соответствующим этническим уточнением: «Берке, великий царь татарский», «Токта, царь татарский». В других случаях к имени хана добавлялось географическое уточнение: «Узбек, владетель северных стран», «царь Токта, владелец Сарая и земель кипчакских», «царь Дешт-и-Кыпчака Токта». Иногда арабские и персидские летописцы называли Золотую Орду улусом Джучи, улусом Бату, улусом Берке, улусом Узбека. Нередко эти наименования употреблялись не только непосредственно в период правления того или иного хана, но даже и после их смерти («царь Узбек, владетель стран Берке»).

Проехавшие всю Золотую Орду европейские путешественники П. Карпини и Г. Рубрук используют для ее обозначения старые термины «страна Команов» (т. е. половцев), «Комания» или дают слишком обобщенное наименование — «держава татар». В письме папы римского Бенедикта XII государство Джучидов названо Северной Татарией.

В русских летописях нового южного соседа сначала обозначали с помощью этнического термина. Князья ездят в «татары к Батыеви» и возвращаются «ис татар». И только в последнее десятилетие XIII в. появляется и прочно утверждается новое и единственное название «Орда», которое просуществовало до полного распада государства Джучидов. Что же касается привычного теперь названия «Золотая Орда», то оно стало употребляться в то время, когда от основанного ханом Бату государства не осталось и следа. Впервые это словосочетание появилось в «Казанском летописце», написанном во второй половине XVI в., в форме «Златая Орда» и «Великая Орда Златая»¹³. Происхождение его связано с ханской ставкой, а точнее, с богато украшенной золотом и дорогими материями парадной юртой хана. Вот как описывает ее путешественник XIV в.: «Узбек садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревян-

ный престол, обложенный серебряными позолоченными листками, ножки его из серебра, а верх усыпан драгоценными камнями»¹⁴. Упоминается такая ставка и в русской народной песне XIV в. о Щелкане:

А и деялося в Орде,
Передеялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович...

Можно не сомневаться, что термин «Золотая Орда» бытовал на Руси в разговорной речи уже в XIV в., но в летописях того периода он ни разу не фигурирует. Русские летописцы исходили из эмоциональной нагрузки слова «золотой», употреблявшегося в то время в качестве синонима всего хорошего, светлого и радостного, чего никак нельзя было сказать о государстве-угнетателе, да еще населенном «погаными». Именно поэтому название «Золотая Орда» появляется только после того, когда все ужасы монгольского владычества стерло время.

С первого года своего существования Золотая Орда не была суверенным государством и возглавлявший ее хан также не считался независимым правителем. Это было вызвано тем, что владения Джучидов, как и других монгольских царевичей, юридически составляли единую империю с центральным правительством в Каракоруме. Находившийся здесь каан согласно одной из статей ясы (закона) Чингисхана имел право на определенную часть доходов со всех завоеванных монголами территорий. Больше того, он имел в этих областях принадлежавшие лично ему владения. Создание такой системы тесного переплетения и взаимопроникновения было связано с попыткой предотвратить неизбежный распад огромной империи на отдельные независимые части. Только центральное каракорумское правительство было правомочно решать наиболее важные экономические и политические вопросы. Сила центральной власти, из-за отдаленности ее пребывания державшейся, пожалуй, лишь на авторитете Чингисхана, была еще столь велика, что ханы Бату и Берке продолжали придерживаться по отношению к Каракоруму «пути чистосердечия, покорности, дружбы и единомыслия»¹⁵.

Но в 60-е годы XIII в. вокруг каракорумского престо-

ла разгорелась междоусобная борьба между Хубилаем и Ариг-Бугой. Победивший Хубилай перенес столицу из Каракорума на территорию завоеванного Китая в Хан-балык (нынешний Пекин). Правивший в это время в Золотой Орде Менгу-Тимур, поддерживавший в борьбе за верховную власть Ариг-Бугу, поспешил воспользоваться представившимся поводом и не признал за Хубилаем права верховного правителя всей империи, так как он покинул столицу ее основателя и бросил на произвол судьбы коренной юрт всех Чингизидов — Монголию. С этого момента Золотая Орда обрела полную самостоятельность в решении всех вопросов внешнеполитического и внутреннего характера, а столь тщательно охраняемое единство заложенной Чингисханом империи внезапно взорвалось, и она развалилась на куски.

Однако ко времени приобретения полного политического суверенитета в Золотой Орде, естественно, уже существовала собственная внутригосударственная структура, причем в достаточной степени сложившаяся и развитая. Нет ничего удивительного в том, что она в основных чертах копировала систему, введенную в Монголии еще Чингисханом. Основой этой системы было армейское десятичное исчисление всего населения страны. В соответствии с армейским членением все государство делилось на правое и левое крылья. В улусе Джучи правое крыло составило владения хана Бату, простиравшиеся от Дуная до Иртыша. Левое крыло находилось под властью его старшего брата хана Орды. Оно занимало земли на юге современного Казахстана вдоль Сырдарьи и к востоку от нее. По древней монгольской традиции правое крыло называлось Ак-Ордой (Белой Ордой), а левое — Кок-Ордой (Синей). Из изложенного вытекает, что понятия «Золотая Орда» и «улус Джучи» в территориальном и государственно-правовом отношении не являются синонимами. Улус Джучи после 1242 г. разделился на два крыла, составивших самостоятельные владения двух ханов — Бату и Орды. Однако ханы Кок-Орды на протяжении всей ее истории сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды (Ак-Орды) определенную (в значительной мере чисто формальную) политическую зависимость.

В свою очередь территория, находившаяся под властью Бату, также делилась на правое и левое крылья. В начальный период существования Золотой Орды

крылья соответствовали самым крупным административным единицам государства. Но уже к концу XIII в. они превратились из административных в чисто армейские понятия и сохранились только в отношении воинских соединений. В административной структуре государства крылья были заменены более удобным подразделением на четыре основные территориальные единицы, возглавлявшиеся улусбеками. Эти четыре улуса представляли собой крупнейшие административные подразделения. Они назывались Сарай, Дешт-и-Кыпчак, Крым, Хорезм.

В наиболее общем виде административную систему Золотой Орды описал еще в XIII в. проехавший все государство с запада на восток Г. Рубрук. По его наблюдению, монголы «поделили между собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свой стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные»¹⁶.

В этой зарисовке путешественника содержится основа административно-территориального деления Золотой Орды, определявшегося понятием «улусная система». Сущность ее составляло право кочевых феодалов на получение от самого хана или другого крупного степного аристократа определенного удела — улуса. За это владелец улуса обязан был выставять в случае необходимости определенное число полностью вооруженных воинов (в зависимости от размера улуса), а также выполнять различные налоговые и хозяйственные повинности. Эта система представляла собой точную копию устройства монгольской армии: все государство — Великий Улус — делилось в соответствии с рангом владельца (темник, тысячник, сотник, десятник) на определенные по величине уделы и с каждого из них в случае войны выставлялось по десять, сто, тысяче или по десять тысяч вооруженных воинов. При этом улусы не были наследственными владениями, которые можно передать от отца к сыну. Более того, хан мог отобрать улус совсем или заменить его другим.

В начальный период существования Золотой Орды крупных улусов было, видимо, не больше 15, и границами между ними чаще всего служили реки. В этом вид-

на определенная примитивность административного членения государства, уходящая корнями в старые кочевнические традиции. Дальнейшее развитие государственности, появление городов, введение мусульманства, более тесное знакомство с арабскими и персидскими традициями управления привели к различным усложнениям во владениях Джучидов с одновременным отмиранием центральноазиатских обычаев, восходящих ко времени Чингисхана. Вместо членения территории на два крыла, как уже говорилось, появились четыре улуса во главе с улусбеками. Один из улусов был личным домоном хана. Он занимал степи левобережья Волги от ее устья до Камы, то есть включая бывшую территорию Волжской Болгарии. Каждый из этих четырех улусов делился на какое-то число «областей», являвшихся улусами феодалов следующего ранга. Всего в Золотой Орде число таких «областей» в XIV в. составляло около 70 по числу темников.

Одновременно с установлением административно-территориального деления происходило формирование аппарата управления государством. Период правления ханов Бату и Берке с полным правом можно назвать организационным в истории Золотой Орды. Бату заложил основные общегосударственные устои, сохранившиеся при всех последующих ханах. Были оформлены феодальные владения аристократии, появился аппарат чиновников, заложена столица, организована ямская связь между всеми улусами, утверждены и распределены налоги и повинности. Правление Бату и Берке характеризуется абсолютной властью ханов, авторитет которых ассоциировался в сознании подданных с размером награбленных ими богатств. Источники единодушно отмечают, что ханы в это время имели «изумительную власть над всеми»¹⁷.

Хан, стоявший на вершине пирамиды власти, большую часть года находился в кочующей по степям ставке в окружении своих жен и огромного числа придворных. Только короткий зимний период он проводил в столице. Передвигавшаяся ханская орда-ставка как бы подчеркивала, что основная мощь государства продолжала базироваться на кочевом начале. Естественно, что находившемуся в постоянном движении хану было достаточно сложно самому управлять делами государства. Это подчеркивают и источники, которые прямо сообща-

ют, что верховный правитель «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования»¹⁸.

Частностями должны были заниматься многочисленные чиновники. Обычно в государствах кочевников их не бывает много, чего никак нельзя сказать о Золотой Орде. В ханских ярлыках перечисляется множество чиновников, причастных ко всем сторонам как кочевой, так и оседлой жизни государства. Для непосредственного руководства ими в Золотой Орде были учреждены две высшие государственные должности: беклярибек (бек над беками, или по-русски великий князь) и везир. Оба сановника находились почти на одной ступени феодальной иерархии, однако первенствующую роль в государственном аппарате играл беклярибек. В его руках была сосредоточена огромная власть, он являлся главнокомандующим всей армией, ведал дипломатическими сношениями с другими государствами, обладал прерогативой высшей судебной инстанции, оказывал серьезное влияние на религиозные дела. Такое сосредоточение в руках беклярибеков стольких важнейших государственных обязанностей и приводило нередко к тому, что они становились фактическими правителями Золотой Орды, диктовавшими свою волю сидевшим на престоле Джучидам. Наиболее яркими примерами в этом отношении были Ногай и Мамай.

В руках везира была сосредоточена высшая исполнительная власть, центральный орган которой назывался диван. Он состоял из нескольких палат во главе с секретарями, в ведении которых были определенные сферы финансовой, налоговой, торговой и внутривластной жизни государства. Везира обычно титуловали «полновластный» и «советник царей и султанов», что хорошо отражает круг его обязанностей. Влияние его на межгосударственные отношения и внешнюю политику Золотой Орды не было столь значительным, как беклярибека, поэтому в дипломатической переписке везир ставился ниже. Однако во внутренней жизни страны роль его была огромна, так как основную сторону его деятельности составляли сбор налогов и дани с покоренных народов. Именно поэтому в одной из арабских рукописей указывается, что везир — «настоящий султан, единовластно

распоряжается денежной частью, управлением и смещением»¹⁹.

В заключение нужно добавить, что в Золотой Орде совершенно не практиковались столь характерные для Монголии курилтай, на которых все представители рода Чингизидов решали важнейшие государственные вопросы. Изменения, произошедшие в административной и государственной структуре, свели на нет роль этого традиционного кочевнического института. Имея в стационарной столице правительство, состоявшее из представителей правящего рода и крупнейших феодалов, хан больше не нуждался в курилтаях. Обсуждение важнейших государственных вопросов он мог проводить, собирая по мере надобности высших военных и гражданских чиновников государства. Что же касается такой важной прерогативы, как утверждение наследника, то теперь она стала исключительно компетенцией хана. Впрочем, куда большую роль в сменах на престоле играли дворцовые заговоры и всеильные временщики.

ГОРОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Одно из традиционных представлений о Золотой Орде состоит в том, что это государство без особых раздумий относят к чисто кочевническим. Видимо, такой точке зрения во многом способствует само понятие «орда» — что-то бесформенное, плохо управляемое, необузданное и находящееся в беспрестанном коловращении. До сих пор карты, изображающие территорию Золотой Орды, содержат минимум топографической и другой (условной) нагрузки и информации, представляя практически безмолвное пространство степей, перерезанных реками. И только где-то в самой середине степей взгляд неожиданно задерживается на крошечной точке с поясняющей надписью «Сарай». Это столица государства, название которой для современного русского уха звучит не просто неожиданно, а даже удивительно и вызывает улыбку. Ведь сейчас вряд ли кому придет в голову присвоить его даже крошечному поселку. Еще одно свидетельство того, что прошлое, даже очень отдаленное, не проходит бесследно — хоть какой-то осколок от него сохраняется в текущей жизни. И наверняка не один, и наверняка не только в языке.

Точно так же сохранилась до наших дней не только летописная память о городах Золотой Орды, но и сами они. Причем не только в виде археологических остатков под слоями земли и песка. Некоторые из них продолжают жить и развиваться и сейчас, например Азов, Казань, Старый Крым, Тюмень.

Еще не так давно в работах по истории Золотой Орды приводились названия 15—20 городов, а сейчас их насчитывается уже 110, причем число это продолжает увеличиваться. Цифра так резко возросла потому, что сила инерции, причислявшая государство к кочевым, долго не позволяла сомневаться в этом заключении. Вопрос казался изученным и доказанным еще со времен древних авторов, которые писали о монголах, что они не «имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем»²⁰. Но ведь основатели государства действительно были кочевниками! Как же и почему у них появились города?

В первую очередь нужно обратить внимание на тот непреложный факт, что до начала завоевательских походов и образования огромной империи Чингисхана городов у монголов не было вообще и они действительно оставались, что называется, чистыми кочевниками. Собственно монгольские города начинают появляться только через некоторое время после образования огромной империи, в состав которой вошли многие кочевые и оседлые народы. Попытки некоторых историков объяснить возникновение городов у монголов влиянием оседлых соседей не находят подтверждения. Такое влияние возможно только в местах непосредственного соприкосновения кочевого и оседлого населения, то есть на самых окраинах их обитания. А собственно монгольские города появились в самом центре степей за много дней пути от районов традиционного развитого градостроительства. Значит, причины их появления кроются в недрах самого общества кочевников, в изменениях политической и экономической структуры их жизни, которые независимо от внешних факторов приводят к возникновению городов.

Новые монгольские города появляются в степях даже несмотря на то, что среди кочевой аристократии значительная часть ее выступала не только против оседлой жизни, но и за уничтожение всех городов в завоеванных странах. К числу сторонников этой идеи принадлежал и сам Чингисхан. Однако после смерти основателя мон-

гольской империи победило другое направление, основная политическая линия которого была сконцентрирована в высказывании, обращенном к преемнику Чингисхана: «Хотя Вы получили Поднебесную сидя на коне, нельзя управлять ею сидя на коне!» То есть одной из важнейших причин появления городов у монголов явилась острая необходимость административной организации и упорядочения политического властвования на огромных завоеванных территориях.

Изменения, произошедшие в жизни кочевого общества, требовали создания стационарных центров, где сосредоточивался управленческий чиновничий аппарат, связанный со сбором налогов и дани, приемом многочисленных послов, ведением дипломатической переписки и т. п. Кочующая большую часть года по степи ставка хана не подходила для этих целей. В результате в монгольском обществе выделяется специфическая чиновничья прослойка, которая не кочует вместе с ханом, а оседает на постоянное жительство вокруг его стационарной зимней ставки. Таким образом, создается ядро оседлого населенного пункта, формирующееся вокруг дворца верховного правителя. Именно о такой схеме зарождения столицы Золотой Орды города Сарая свидетельствует и его название, которое переводится словом «дворец». Такое же название носила и вторая столица государства — Сарай ал-Джедид (Новый Дворец). Можно вспомнить и центр Крымского ханства Бахчисарай и город Сарайчик на Яике. Все эти населенные пункты возникали по одной схеме.

Концентрация богатого чиновничества и аристократии притягивала купечество, формируя постоянные базары и ярмарки, что увеличивало население нового города. Для строительства жилых и общественных зданий привлекались ремесленники и рабы, что содействовало дальнейшему росту населенного пункта. Наконец, росту городов в Золотой Орде способствовало принятие новой религии — мусульманства, так как развернулось возведение различных культовых сооружений и духовных школ. Да и само духовенство (причем не только мусульманское) составило заметную прослойку в городском населении.

Появление городов у монголов явилось следствием образования государства и формирования его внутрен-

ней политической и экономической структуры. При этом городская жизнь самым тесным образом увязывалась с интересами правительства, а сам город всегда выступал в роли проводника политики центральной власти и был одной из ее надежных опор. Больше того, существование городов было немыслимо без крепкой центральной власти и ее ослабление стало одной из причин упадка оседлой жизни в Золотой Орде.

Градостроительство в Золотой Орде пережило несколько стадий. Наиболее ранняя из них, связанная с начальным периодом существования государства, характеризуется использованием монголами городов, существовавших до их появления в Европе и разрушенных во время нашествия 1236—1242 гг. Такие города были восстановлены и использовались в качестве политических и торговых центров. Ярким примером в этом отношении может служить Великий Болгар, бывшая столица Волжской Болгарии. При хане Бату этот город какое-то время играл роль столицы государства (до основания Сарая) и именно здесь была начата чеканка золотоордынских монет. О торговой значимости города свидетельствует тот факт, что в нем побывали со своими товарами итальянцы, братья Поло. В 1246—1247 гг. Золотую Орду с запада на восток пересек Плано Карпини, который не встретил на своем пути в степях ни одного города или даже поселка. Но уже через шесть лет картина заметно изменилась, о чем свидетельствует другой путешественник — Гильом Рубрук, проделавший аналогичный путь. Его записки рисуют картину начала градостроительства в степях. На левом берегу Дона Рубрук побывал в поселке, населенном русскими (видимо, пленными), «которые перевозят на лодках послов и купцов». Поселок был построен по указанию самого хана Бату. Тут же ему сообщили о существовании другого поселка ниже по течению реки, «где послы переправляются в зимнее время». Следующим на пути монаха был поселок на берегу Волги, населенный русскими и мусульманами (вероятно, волжскими болгарами), на которых также возлагалась обязанность перевозить послов через реку. Наконец, этому же путешественнику принадлежит честь первому оповестить Европу о появлении новой столицы — города Сарая. Рубрук побывал здесь осенью 1254 г., но город был еще столь мал, что путешественник, кроме названия, не приводит о нем никаких сведений. Это поз-

воляет предположить, что Сарай был основан ханом Бату примерно в 1250 г.

Заметное оживление градостроительства произошло при хане Берке, когда была предпринята попытка ввести в Золотой Орде мусульманство. В этот период города принимают классический «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, минаретов, медресе, караван-сараев и т. п. Для их возведения со всех сторон сгонялись ремесленники, которые приносили с собой опробированные веками архитектурные каноны и строительные приемы, испытанные строительные материалы и технологию их производства. Огромное число угнанных в рабство пленных позволило в сжатые сроки и с большим размахом осуществлять строительство. Однако четыре хана, правивших после Берке, не приняли мусульманства и не уделяли столь значительного внимания развитию имеющихся городов и закладке новых. Такая политика несомненно несколько замедлила рост городов, но остановить начавшийся процесс она уже была не в состоянии. Самого настоящего расцвета градостроительство и архитектура достигли при хане Узбеке и наследовавшем ему Джанибеке. В это время не только расширяется территория уже существовавших городов, но и возникает множество новых. Самым крупным из них был Сарай ал-Джедид, заложенный Узбеком в 30-х годах XIV в. и ставший впоследствии столицей государства. В некоторых источниках он называется Сарай Берке, из-за чего отдельные исследователи относят время его основания к правлению именно этого хана. Однако археологические исследования остатков этого города (Царевское городище) со всей определенностью свидетельствуют, что он возник в годы правления хана Узбека.

При нем побережье Волги почти сплошь застраивается городами, поселками и деревнями. Вдоль левого берега реки Ахтубы возникает непрерывная полоса оседлости, состоявшая из мелких городов, деревень и замков аристократии, окруженных возделанными полями. Такой же значительный по территории оседлый район возникает в месте наибольшего сближения Волги и Дона. Однако расцвет золотоордынских городов был хотя и бурным, но относительно коротким. Уже в последние годы правления Джанибека и особенно при его наследнике Бердибеке наблюдается постепенный спад градо-

строительства и резкое его прекращение с началом внутренних усобиц 60—70-х годов XIV в. Окончательный удар золотоордынским городам нанес в 1395—1396 гг. Тимур. После этого подавляющее большинство их так и осталось лежать в развалинах среди степей; ни ремесленников, ни средств для их восстановления уже не было. Можно сказать, что вся золотоордынская градостроительная культура была уничтожена практически мгновенно, в течение одного года.

Маршрут войск Тимура исчертил территорию государства во всех направлениях, специально нацеливаясь на разрушение и грабеж городов. Это была очень богатая и легкая добыча, так как города Золотой Орды не имели никаких фортификационных сооружений и практически были беззащитны. Отсутствие стен вокруг городов — одна из характерных черт золотоордынских населенных пунктов, чего не было больше ни в одном средневековом государстве. Монголы хвастались и гордились этим, считая, что их города надежно оберегают бескрайние степи и многочисленная конница. В государстве была лишь одна крепость со стенами, возведенными задолго до появления Золотой Орды — Дербент. Крепость отделяла Золотую Орду от Хулагуидского Ирана, где также правила династия из потомков Чингизидов, постоянно находившаяся в состоянии войны с Джучидами. Правда, во времена Мамайя наиболее крупные города государства были на скорую руку обнесены земляными валами с бревенчатыми тынами поверху. Однако такие оборонительные сооружения имели чисто символическое значение, не представляя сколько-нибудь серьезного препятствия.

Все города Золотой Орды разделяются на две большие группы: 1) существовавшие до прихода монголов, а затем восстановленные ими после разгрома; 2) основанные самими монголами в XIII—XIV вв. В первую группу входили населенные пункты, располагавшиеся в традиционно оседлых районах по окраинам протяженного степного пояса, — Черноморское побережье и Крым, Северный Кавказ, Хорезм, Волжская Болгария. Все они были разрушены в результате монгольских завоеваний, но впоследствии постепенно восстанавливались и достигли расцвета. Наиболее известны из них Ургенч в Хорезме, Великий Болгар в Поволжье, Аккерман в Северном Причерноморье. Монголы использовали их не

только в качестве административных центров конкретных районов, но и как крупные пункты транзитной торговли.

Оборонительные стены этих городов были разрушены, и о восстановлении их никто не дерзал думать, пока государство представляло собой единое владение Джучидов с крепкой центральной властью. Отсутствие стен придавало городам Золотой Орды совершенно особый колорит и приводило в крайнее изумление иностранных путешественников. Жители всех государств Европы и Азии соревновались между собой в возведении как можно более высоких и толстых стен из камня и дерева, а здесь посреди ровной степи располагались огромные, незащищенные города, буквально набитые ценностями, свеженными со всех сторон мира.

Самиими монголами на протяжении XIII—XIV вв. были основаны обе столицы Золотой Орды — Сарай и Сарай ал-Джадид, Сарайчик на Яике, Маджар на Северном Кавказе, Крым на Таврическом полуострове, Азак в устье Дона, Хаджитархан в дельте Волги, Укек в Среднем Поволжье, Мохши в мордовских лесах, Тюмень в Сибири и множество других городов. Названия их подчас неизвестны, но археологические остатки зафиксированы и хорошо датируются золотоордынским временем. Естественно, что далеко не вся территория Золотой Орды была застроена городами. Бескрайние пространства степей полностью оставались в распоряжении кочевников. Можно было проехать несколько недель, не встретив какого-либо оседлого поселения. Но существовали и такие районы, где оседлая жизнь полностью вытеснила кочевников. В подтверждение можно привести описание саратовского краеведа прошлого века А. Леопольдова, проехавшего вдоль левого берега Ахтубы. Он встретил здесь «замечательные развалины каменных зданий. Начинаясь подле селения Безродного или Верхне-Ахтубинского, они тянутся верст на 70. Развалины сии то часты, то редки, то обширны и велики, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от с. Пришиба до деревни Колобовщины на 15 верст видны развалины почти сплошные и большею частью огромные»²¹. Так выглядел в первой половине XIX в. район вокруг второй столицы Золотой Орды Сарая ал-Джедид.

Но самым значительным городом не только Золотой

Орды, но и Европы был Сарай — первая столица государства. Остатки ее находятся в 150 км выше современной Астрахани, у с. Селитренного. В середине XIV в. площадь его превышала столицы многих европейских государств. В 30-е годы XIV в. здесь побывал арабский путешественник Ибн-Батута, оставивший впечатляющее описание города. Вот что он писал: «Город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не ранее, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов»²². Подобное описание в приложении к городу XIV в. может показаться преувеличением, однако современное состояние остатков Сарая не позволяет сомневаться в том, что на объезд столицы со всеми пригородами по периметру нужно было затратить не менее дня. Письменные источники сообщают, что число проживавшего здесь населения составляло около 75 тыс. человек. Если принять во внимание, что в XIV в. город с населением 5—10 тыс. человек считался большим, то Сарай среди них действительно казался гигантом.

Сарай был не просто столицей государства, а крупнейшим центром ремесленного производства. Целые кварталы города занимали ремесленники, специализировавшиеся на какой-то определенной отрасли (металлургической, керамической, ювелирной, стекольной, косторезной и т. д.).

Город был крупнейшим центром международной транзитной торговли на линии Китай — Западная Европа. Даже после того как этот караванный путь перерезал Тимур, сюда продолжали съезжаться купцы вплоть до середины XV в. После окончательного развала Золотой Орды город практически оказался брошенным населением и все его великолепные здания, медленно разрушаясь, напоминали степной мираж. Так он и стоял до 1578 г., когда сын Ивана Грозного царь Федор специальным указом повелел ломать «мизгити (мечети. —

В. Е.) и полаты в Золотой Орде и тем делати город»²³ Астрахань. Таким образом решалась проблема дефицитного строительного материала, который к тому же было удобно сплавлять на баржах вниз по Ахтубе. После этого в степи остались лишь груды кирпичей, извести и разноцветных изразцов, на которые с изумлением взирал в 1741 г. автор «Истории Российской» В. Н. Татищев, сообщая, что «от берега строение по лежащим кирпичам видно версты на три, инде и на пять, токмо строения ныне никакого нет, ибо разбирано и свожено для строения Астрахани»²⁴.

Рассматривая города Золотой Орды, нельзя обойти и такое интересное явление, как наличие на ее территории итальянских колоний, принадлежавших Генуе и Венеции. Все они были тесно связаны с морем. Только на восточном побережье Азовского и Черного морей в XIV в. существовало 39 таких поселений, известных по средневековым картам. Видимо, это были небольшие фактории, которые вели оживленную торговлю с местным населением. Отсюда вывозились в Италию различные продовольствие и сырье, а в обмен итальянцы предлагали различные сорта тканей и ремесленные изделия, например сабли. Административным центром всех мелких колоний генуэзцев был город Кафа на южном берегу Крыма (современная Феодосия). Монголы разрешили основать эту торговую колонию в 1266 г. В середине XIV в. она была обнесена мощными каменными стенами, остатки которых можно видеть и сейчас. Формально город пользовался правом полной независимости и не подчинялся власти золотоордынских ханов, что даже время от времени подкреплялось особыми договорами. Однако на самом деле ни договоры, ни стены, возведение которых разрешили сами монголы, не спасали город от неоднократных разгромов. Но Кафа каждый раз отстраивалась заново, поскольку заморская торговля представляла чрезвычайно выгодное дело. Больше того, генуэзцам удалось расширить свои владения, захватив располагавшиеся на этом же побережье Солдайю (Судак) и Чембало (Балаклаву). Оба города также были обнесены мощными укреплениями, что позволяло итальянцам контролировать весь южный берег Крыма.

Еще одну важную колонию генуэзцам удалось основать в устье Дона у золотоордынского города Азака.

Здесь им был выделен особый квартал, обнесенный стеной, получивший название Тана. Благодаря энергии и кипучей деятельности итальянских купцов Азак в XIV в. становится ключевым пунктом, где сходились несколько торговых путей. По Дону сюда можно было попасть из второй столицы Золотой Орды Сарая ал-Джедид, из Руси и Приуралья. Другой путь вел с востока из Хаджитархана, находившегося в дельте Волги. С юга подходила дорога из крупного северокавказского города Маджар. Все это сделало Азак одним из основных экспортных центров Золотой Орды. Отсюда вывозились поступавшие с востока пряности: перец, имбирь, шафран, мускат, различные масла для медицинских и парфюмерных нужд. Всевозможные сорта тканей: шелк, парча, хлопковое и льняное полотно. Сюда же поступали знаменитая русская пушнина, мед, воск, кожи. Среди продовольствия особое место занимали хлеб, рыба и икра. Здесь же продавался такой специфический для Золотой Орды товар, как скот — в основном лошади, быки и верблюды. Особую и очень доходную отрасль составляла работоторговля. Все итальянские колонии просуществовали до 1475 г., когда их разгромили турки.

Этническая пестрота населения Золотой Орды, а также своеобразные внутривосточные условия подчас приводили к довольно неожиданным казусам в градостроительстве этого государства. В качестве примера можно привести судьбу двух хорошо известных и ныне развивающихся русских городов. Это Елец и Тула. Оба города находились на золотоордынской территории, о чем однозначно свидетельствуют летописные данные. Точная дата их возникновения неизвестна; можно лишь с большой долей вероятности отнести это событие к первой половине XIV в. Тула находилась в северной части степного клина, глубоко врезавшегося с юга до правобережья Оки. Первое ее упоминание в источниках относится к 1382 г.²⁵ Судя по документальным данным, она являлась резиденцией золотоордынских баскаков, ведавших обширными землями вокруг нее. Не исключено, что название города восходит к имени жены хана Джанибека Тайдулы, владевшей этим районом. Ни соседний с тульскими землями рязанский князь, ни московский князь на протяжении всего XIV в. не претендовали на эту территорию, оговаривая в грамотах ее особое положение. Население города несомненно было русским, хотя

администрация была монгольской и территориально он принадлежал Золотой Орде.

На том же правобережье Дона, но южнее Тулы, находился город Елец. Первое достоверное упоминание о нем в источниках относится к 1389 г. (попытки датировать его основание XII веком не подтверждаются летописями). Город тоже располагался на золотоордынской территории, но был населен русскими во главе с русской же администрацией. По крайней мере в 1389 г. здесь правил «князь Юрий Елецкий з бояры своими»²⁶. Скорее всего, этот город вырос в качестве административного центра одной из буферных зон в пограничной полосе между Золотой Ордой и русскими княжествами. Именно поэтому русские князья смогли включить его в свои владения только к концу XV в. Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1380 г. Мамай, двигаясь на Куликово поле, прошел практически рядом с Ельцом, не причинив ему никакого вреда. Характерна и летописная запись о взятии Ельца Тимуром в 1395 г. После рассказа о разорении города летописец добавил: «Поиде же паки и на русскую землю»²⁷ (т. е. «пошел затем и на русскую землю»). Эта фраза подчеркивает, что до русской территории Тимур еще не дошел.

К северу от Тулы на левом берегу Оки находится еще один русский город — Калуга, основание которого также относится к первой половине XIV в. Название его указывает на золотоордынское происхождение и переводится словом «застава». Не исключено, что здесь находился один из самых северных опорных гарнизонов тульского баскачества. О первоначальном чисто военном назначении Калуги как небольшой крепости-заставы свидетельствует и тот факт, что городом она стала в 1445 г.

Пример Золотой Орды показывает, что распространенная точка зрения о несовместимости оседлой городской культуры с кочевой степной не отражает истинного положения вещей. Именно в результате тесного союза степи и городов, бурного развития ремесла и караванной торговли и образовался тот специфический экономический потенциал, который длительное время способствовал сохранению мощи Золотой Орды. Этот симбиоз обеспечивал созданному кочевниками государству многие важные для его существования условия. Оба компонента дополняли и взаимно поддерживали друг

друга. Правда, кочевнический элемент при количественном развитии не изменял своего качественного содержания, оставаясь все время существования Золотой Орды глубоко консервативным. Что касается оседлого городского компонента, то его развитие было для Золотой Орды прогрессивным явлением, способствовавшим ее укреплению. Особую роль при возникновении городов в степях сыграла центральная власть, которая аккумулировала средства для их развития, обеспечила процветание внешней торговли, разрешила вопросы денежного обращения на огромной территории. Города же, в свою очередь, не противодействовали общегосударственным устремлениям, а являлись проводниками их во всех частях страны.

БЫТ И КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Довольно широко распространено мнение, что быт населения Золотой Орды был непритязательным и примитивным, поскольку он отражал простейшие функции кочевой жизни. Что же касается культуры государства, то уровень ее определяется чаще всего как невысокий и не отличающийся самобытностью. Последнее предполагает обычно ее характеристику в качестве синкретической, то есть смешанной из многочисленных разнородных частей, привнесенных разными народами, составившими население государства. Однако в подавляющем большинстве случаев под синкретизмом подразумевается простое механическое соединение совершенно разных культур без какой бы то ни было переработки, осмысления и эволюции. Подобное мнение стало настолько традиционным, что приводится обычно в качестве аксиомы. Однако творческое начало представителей многих народов не угасало даже вдали от родины в тяжелых условиях неволи. Достаточно вспомнить хотя бы два широко известных примера из описаний Карпини и Рубрука — русского мастера Кузьму и французского ювелира Буше, работавших в столице монгольской империи Каракоруме²⁸. Их знания, высокая техническая подготовка и профессионализм претворились в совершенно новых формах и эстетических представлениях, продиктованных своеобразием центральноазиатского окружения.

Исследуя культуру Золотой Орды, необходимо рас-

сма­тривать три основ­ных вопро­са, от раз­ре­ше­ния ко­торых за­ви­сит трак­тов­ка про­бле­мы в це­лом: 1) сте­пень уча­стия в соз­да­нии куль­ту­ры го­су­дар­ства са­мих мон­го­лов; 2) вклад в куль­ту­ру Зо­ло­той Орды по­ра­бо­щен­ных мон­го­ла­ми на­ро­дов; 3) воз­мож­ность эво­лю­ци­он­но­го раз­ви­тия куль­ту­ры Зо­ло­той Орды и по­яв­ле­ния в ре­зуль­та­те это­го но­вых, соб­ствен­но зо­ло­то­ор­дын­ских черт. Осо­бо нуж­но от­ме­тить и то, что со­сре­до­то­че­ние ог­ром­ных ма­те­ри­аль­ных ре­сур­сов, обес­пе­чи­ва­ю­щих рас­цвет эконо­ми­ки и неуклон­ный про­цесс раз­ви­тия фео­да­ли­зма в сфе­ре об­щес­твен­ных от­но­ше­ний и со­став­ля­ли фун­да­мент, на ко­тором про­ис­хо­ди­ло раз­ви­тие куль­тур­ной жиз­ни го­су­дар­ства. Од­на­ко спе­ци­аль­ные и сколь­ко­ни­будь глу­бо­кие ис­сле­до­ва­ния куль­ту­ры Зо­ло­той Орды до на­сто­яще­го вре­ме­ни не осу­ществ­ле­ны.

Как мож­но по­нять из пре­ды­ду­ще­го из­ло­же­ния, вся куль­тур­ная жиз­нь Зо­ло­той Орды раз­де­ля­лась на две за­мет­но от­ли­ча­ви­шие­ся ча­сти — ко­че­вую и осед­лую. И все же оба эти укла­да не про­ти­во­сто­я­ли друг дру­гу как в хо­зяй­ствен­ной, так и в куль­тур­ной жиз­ни. Вза­им­про­ник­но­ве­ние и еди­не­ние ко­че­во­го и осед­ло­го на­чал в пер­вую оче­редь стро­и­лось на фун­да­мен­те ду­хов­ной куль­ту­ры (язык, пись­мен­ность, фольк­лор, ре­ли­гия). Не­со­м­нен­ная и очень ощу­ти­мая раз­ни­ца ме­жду ни­ми бы­ла лишь в по­все­днев­ном бы­ту. Слож­ность оце­нки куль­тур­ной жиз­ни Зо­ло­той Орды со­сто­ит не толь­ко в раз­ных ее укла­до­вых исто­ках, но и в от­чет­ли­во фик­си­руе­мой мно­го­эт­ни­ч­но­сти. При этом нуж­но от­ме­тить, что бо­лее мозаич­ной вы­глядит осед­лая куль­ту­ра. Ко­че­вую же со­став­ля­ли лишь два эт­ни­че­ских ком­по­нен­та — при­ш­лый мон­голь­ский и мест­ный кип­ча­кский. Ко­че­вая куль­ту­ра в на­и­бо­лее чи­стом ее ви­де со­хра­ня­лась в го­су­дар­стве Джучи­дов с мо­мен­та его воз­ник­но­ве­ния до вве­де­ния му­суль­ман­ства ханом Узбе­ком в 1312 г. Со­бы­тие это име­ло ог­ром­ное зна­че­ние для внут­рен­ней жиз­ни Зо­ло­той Орды, во мно­гом кру­то из­ме­ни­ло ее и еще бо­лее сбли­зи­ло ко­че­вой мир с осед­лым.

Ко­че­вой быт ран­не­го пе­ри­о­да су­ще­ство­ва­ния зо­ло­то­ор­дын­ско­го го­су­дар­ства в де­та­лях опи­сан П. Кар­пини и Г. Руб­руком, ко­то­рые по­бы­ва­ли здесь во вре­мя прав­ле­ния хана Ба­ту. Ес­те­ствен­но, что для мо­на­хов, при­вык­ших к евро­пей­ской ци­ви­ли­за­ции, он по­ка­зался бо­лее чем сво­еоб­раз­ным. Руб­рук ис­крен­не воск­ли­цал по это­му по­во­ду: «Ко­гда я всту­пил в их сре­ду, мне совер­

шенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир»²⁹. Все здесь было непривычно, но в первую очередь поражали жилища, которые двигались вместе с их обитателями. «Мне показалось, что навстречу мне движется большой город»³⁰, — записал Рубрук о среднем по размеру кочевье, которое состояло из 500 человек. Юрты в Золотой Орде были двух типов: разборные и неразборные. Основу первых составляли решетчатые щиты стен (6—8 щитов и больше) и специально выгнутые тонкие прутья крыши, которые упирались в центральный деревянный круг, служивший дымовым отверстием. В зависимости от богатства и знатности владельца юрта покрывалась черным или белым войлоком, иногда украшенным яркими аппликациями. Средний диаметр такого жилища 5—6 м. Это было жилище бедных и средних слоев населения, оно быстро разбиралось и легко перевозилось на верблюде или лошади.

Неразборные юрты, как правило, принадлежали степной аристократии, так как для их снятия со специальной повозки и установки на выбранном месте требовались усилия многих слуг или рабов. В диаметре они имели до 10 м. Соответственно таким размерам были и телеги для их перевозки. Только ось такой повозки достигала величины корабельной мачты, а тянули ее не один десяток быков. Причем правила ими обычно женщина, находившаяся в самой юрте. Внутри передвижное жилище монголов имело традиционно и жестко закрепленную планировку. Дверной проем (обычно завешенный войлоком, кошмой или ковром) всегда был обращен в южную сторону. Это не только позволяло хорошо освещать жилище большую часть дня солнечными лучами, но и использовать его как солнечные часы, отмечая время по свету из отверстия в крыше. Напротив двери у северной стены всегда располагалось место и постель хозяина, а рядом с ним обычно усаживались почетные гости. Справа от входа у восточной стены находилась женская половина, а напротив нее, у западной, — мужская. В центре на земле сооружался из камней очаг, где на специальном железном треножнике устанавливался котел для варки пищи. Топливом чаще всего в степных условиях служил кизяк — спрессованный и высушенный навоз.

Естественно, что в кочевом быту особое значение имело животноводство, снабжавшее кочевников пищей

и одеждой, дававшее материал для постелей и надежного укрытия жилища. Основой питания монголов было молоко, кумыс и мясо. Последнее запасалось впрок, проявляясь тонкими полосами на ветру. Из свежего мяса делались разнообразные колбасы. Особо было организовано снабжение кочевников крупой и мукой. Степная аристократия получала просо и муку из собственных «поместий», располагавшихся в южных районах страны. Видимо, выращиванием этих культур занимались захваченные в плен и превращенные в рабов жители оседлых государств. Рядовые кочевники получали хлебные продукты в обмен на баранов и кожи. Что же касается рабов, то они, по словам Рубрука, «наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются»³¹.

Еда в Золотой Орде представляла собой не просто удовлетворение естественной потребности, это был особо расписанный ритуал, в котором самые мельчайшие детали имели важное значение в глазах кочевника-язычника. Скот нужно было не только по особому резать и разделять, но и в строгом соответствии с традицией раздавать отдельные части сваренной туши. Мясо в степи никогда не продавалось путникам, но их могли накормить бесплатно в соответствии с законом степного гостеприимства. Молоко и кумыс нельзя было выносить почью из юрты, а прежде чем их пить, необходимо было хоть каплю пролить на землю. Мясо разрешалось лишь варить в котлах, а не обжаривать на открытом огне, так как капающий сок и жир могли его затушить, что считалось величайшим грехом и несчастьем для дома. Особое значение отводилось многодневным пирам степных феодалов, когда уничтожались сотни баранов и специально откормленных лошадей, выпивалось бесконечное число бурдюков заранее заготовленного кумыса и множество кувшинов хмельного зелья. Его готовили из риса, проса, ячменя и меда, причем, по оценке Рубрука, получался «превосходный напиток, чистый, как вино»³².

Кроме домашних припасов, заметную роль в рационе питания населения Золотой Орды играли продукты охоты. Она проходила далеко не в современном понимании, обычно сводимом к развлечению и отдыху. Это было хорошо и заранее подготовленное широкомасштабное предприятие, в котором участвовали тысячи людей. Длилась

такая охота от нескольких дней до 2—3 месяцев. По сути дела, это были военные игры или маневры, имевшие особое значение для тренировки, подготовки крупных и длительных армейских походов и создания для этого запасов продовольствия.

Кочевое хозяйство накладывало отпечаток и на одежду населения Золотой Орды. Все путешественники единодушно отмечали, что платье мужчин и женщин сшито одинаковым образом. Лишь платье девушек немного длиннее мужского. Летом все население носило халаты, которые по монгольской традиции застегивались на правом боку, в отличие от тюрок, у которых застежка находилась слева. Зимой обычно носили по две шубы — одна мехом наружу, другая внутрь. Шились они из волчьих и лисьих шкур или более дорогой пушнины, поступавшей в виде дани из Руси и от других северных народов. У простолудинов также были шубы, но из собаки или козы. Мягкие, хорошо выделанные кожи шли на шаровары. Из войлока изготавливались плащи и шапки. Степная аристократия всегда любила рядиться в привозные шелк, парчу, тонкие европейские сукна. Люди попроще довольствовались хлопчатобумажными тканями.

Замужние знатные монгольские женщины выделялись особым головным убором, который назывался бокка. Это был цилиндр высотой около полуметра и шириной 10—15 см. Каркас бокки изготовлялся из тонких прутиков или коры и обтягивался сверху шелком или парчой. Завершалась она плоской четырехугольной площадкой с султанчиком из перьев. В обязательном порядке знатные женщины употребляли обильную косметику, на что Рубрук отреагировал в полном соответствии с тогдашними представлениями христианской морали: «Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо»³³.

Путешественники из мусульманских стран постоянно подчеркивают одну непривычную для них деталь в женском костюме — отсутствие паранджи. Более того, на ханских приемах рядом с правителем всегда находилась жена (а порой и не одна) с открытым лицом. При этом она могла принимать участие в общих беседах и ее суждения были достаточно авторитетными, а в некоторых вопросах и решающими. Такое было совершенно немыслимым в странах классического ислама, что свидетель-

ствует о заметной роли женщины (по крайней мере значительной) в общественной жизни Золотой Орды.

В течение примерно 70 лет в религиозной жизни Золотой Орды господствовало языческое многобожие в форме шаманизма. Подавляющее большинство населения поклонялось вечному синему небу, солнцу, луне, огню, воде и земле. До сегодняшнего дня в Астраханской области сохранилось монгольское название горы на берегу озера Баскунчак — Богдо, что значит Святая. Эта единственная на сотни километров степных просторов гора высотой 140 м не могла не привлечь своей необычностью внимание кочевников, тотчас обожествивших уникальное природное явление. В юртах и повозках развешивались идолы из войлока, тканей и металла. Каждому из идолов приносились ублажающие жертвы чаще всего в виде еды и питья. Нужно отметить, что при общем господстве язычества, а позднее мусульманства монголы чрезвычайно спокойно относились к другим религиям, хотя и среди них встречались фанатики. Такая веротерпимость объясняется скорее всего привычкой кочевнику обиходностью и практичной значимостью обряда, который обязательно должен иметь положительное для просителя следствие. А уж с какими средствами и с помощью какого божества это будет достигнуто, для находящегося в постоянной зависимости от грозных сил природы степняка было делом второстепенным. Именно поэтому сплошь и рядом даже в одном семействе мирно уживались приверженцы самых различных исповеданий. В качестве примера можно привести самих Джучидов. Хан Бату был язычником, его сын Сартак — христианином несторианского толка, а брат хана Берке — мусульманином.

Жизнь кочевников, конечно, не ограничивалась одними бытовыми заботами, направленными на удовлетворение лишь самых необходимых потребностей в пище, одежде и жилье. У них был богатый и яркий фольклор героико-былинного и песенного характера. Самое широкое развитие получило орнаментально-прикладное искусство. Все это была традиционная народная культура, которая продолжала развиваться и обогащаться на древних степных традициях.

Но без сомнения одной из важнейших культурных черт кочевников-монголов являлось наличие собственной письменности. Она была известна в их среде еще в Цент-

ральной Азии при Чингисхане и основывалась на уйгурском алфавите. Достаточно широкое распространение письменность получила и в Золотой Орде как у кочевников-степняков, так и в монгольских слоях городского населения. В 1930 г. при исследовании одного из степных захоронений была обнаружена записанная на бересте уйгурским алфавитом народная песня о проводах матерью сына на военную службу. Это один из древнейших письменных памятников монгольского языка, относящийся к рубежу XIII—XIV вв. Во время раскопок одного из дворцов первой столицы государства, Сарая, в 1979 г. на оштукатуренной стене была обнаружена процарапанная надпись уйгурским алфавитом, датирующаяся 60—80-ми годами XIV в. Этот факт служит достоверным свидетельством того, что монголы помнили и употребляли свой язык и письменность практически до конца существования Золотой Орды.

Но при всем вышесказанном нельзя не учитывать того, что культурная жизнь Золотой Орды начального периода ее существования может характеризоваться в большой степени паразитическим потреблением достижений завоеванных и поработенных народов. Однако, рассматривая культуру в самом широком понимании, охватывающем многие стороны жизни государства, можно и для этого периода отметить возникновение новых, в недалеком прошлом нехарактерных для кочевников черт. Прежде всего это появление в Золотой Орде собственных монгольских городов, что свидетельствовало о начале серьезного перелома в сознании и укоренившихся древних традициях кочевников. Идея строительства городов не была заимствована монголами со стороны, она родилась в недрах самого кочевого общества, будучи продуктом его развития. Поэтому появление городов в Золотой Орде можно со всей несомненностью считать вкладом в культуру государства.

Вопрос о золотоордынских городах имеет и другую интересную сторону — домостроительство, которое обычно связывается с традициями оседлой жизни. В данном случае многочисленные археологические исследования однозначно свидетельствуют о том, что в центральноазиатских степях монголами был создан свой собственный оригинальный тип оседлого жилища, исходной базой для развития которого послужила юрта. Это небольшие (максимум 6×6 м) жилые дома, обязательно квадрат-

ные в плане и всегда однокомнатные (наследие прототипа — юрты), с деревянными каркасными (фахверковыми) стенами без фундамента. Интерьер их на редкость однотипен и прост: вдоль трех стен постройки располагался в виде буквы «П» кан с топкой на одном конце и вертикальным дымоходом на другом. Он представлял собой невысокую (до 0,5 м высотой и до 1 м шириной) печку-лежанку с проходившими внутри 2—3 дымоходными каналами, которые и обогревали ее. Именно этот тип жилого дома монголы принесли в европейские степи и он распространился на огромной территории от Дуная до Керулена³⁴.

Но в Золотой Орде интерьер этого жилища получил дальнейшее функциональное развитие, продиктованное местными климатическими и изменившимися социальными условиями. Поскольку климат причерноморских и прикаспийских степей был более мягким в сравнении с Центральной Азией, то отпала необходимость обогрева трех стен дома и от кана остались дымоходные каналы лишь вдоль одной стены помещения. А остальная часть кана превратилась в суфу, сохранившую центральноазиатскую П-образную планировку. Суфа представляла собой обширное глинобитное возвышение-диван (с одной стороны его обогревал кан) площадью от 3 до 16 м². По сути дела, она являлась единственной и универсальной мебелью всех без исключения золотоордынских жилых домов. Днем вся семья усаживалась «по-восточному», поджав ноги на суфе, на ней же расстилалась скатерть и расставлялась еда. Ночью суфа превращалась в кровать, и, разложив кошмы и одеяла, многочисленное семейство укладывалось на ней спать. Таким образом, в Золотой Орде было проделано значительное утилитарное видоизменение центральноазиатского жилища монголов, что представляет несомненный местный вклад в создание собственной культуры государства.

Безусловно, своеобразна и городская оседлая культура Золотой Орды, развитие ее достигло высокой степени. Ее основными носителями стали ремесленники, причем не только строители, но и гончары, ткачи, ювелиры, металлурги, оружейники, стеклодувы, косторезы и т. д., которые составляли большинство городского населения. Бурный расцвет городов Золотой Орды относится к XIV в., когда ислам стал государственной религией. Началось строительство мечетей, медресе, минаретов,

мавзолеев и монументальных дворцов для монгольской аристократии. Возводили их в основном мастера, прибывшие из Хорезма, имевшие опыт древней архитектурной школы и привезшие с собой привычные строительные материалы и выверенные веками конструктивные приемы. Монументальные постройки украшали изразцы, покрытые разноцветной стеклянной глазурью и сусальным золотом. Геометрические орнаменты соседствовали с яркими растительными виньетками и гирляндами, которые сменяли выписанные изящным почерком стихи персидских классиков. Все эти постройки сияли и переливались под солнцем, являя собой тот самый стиль, который ассоциируется с понятием восточной пышности, роскоши и яркости.

Огромные дворцы знати были оборудованы со всеми возможными в то время удобствами. В Сарае раскопан один из них, состоявший из 36 помещений, полы которых устилали красные кирпичи на белом алебастровом растворе. Стены парадных комнат покрывали росписи по штукатурке затейливыми цветочными орнаментами. Центральный зал имел площадь около 200 м², а стены его украшали мозаичные и майоликовые панно с позолотой. Кроме пристроенной к дворцу бани, в нем была еще специальная ванная комната, посередине которой находилась выложенная из кирпича квадратная ванна. Здесь же было сооружение, которое по современной терминологии можно характеризовать как совмещенный санузел. При всем великолепии дворца нужно отметить одну его конструктивную черту чисто кочевнического характера: стены его были возведены без фундамента. Они стояли просто на выровненной и тщательно снивелированной площадке. Именно так в Золотой Орде воздвигались буквально все постройки, независимо от их величины и массивности.

Если стены описанного дворца были выложены из обожженного кирпича на известковом растворе, то население победнее строило свои жилища из дерева или сырцового кирпича. Полы в таких домах обычно были земляными, а стены покрывались глиняной обмазкой.

Рассматривая градостроительную культуру Золотой Орды в целом, можно отметить, что на огромной территории государства достаточно четко выделяются зоны конкретного влияния самых различных традиций. Верхнее и Среднее Поволжье отличают традиции архитекту-

ры бывшей здесь до прихода монголов Волжской Болгарии. В Нижнем Поволжье на первый план выступают конструктивные особенности и строительные приемы пригнанных сюда хорезмских мастеров. Северокавказские города несут на себе отчетливый отпечаток местной школы с ее древними каменотесными приемами. То же самое можно сказать о Крыме и Пруто-Днестровском междуречье. Все это создает достаточно пеструю картину действительно синкретической культуры. Так оно и было на самом деле, но лишь до определенного этапа. На протяжении всей истории Золотой Орды культура ее не находилась в состоянии застоя, используя лишь готовые формы, созданные другими народами. В XIV в. культурная жизнь государства начинает обогащаться новыми элементами на основе сплава различных достижений многих народов. В результате первоначальный синкретизм перерастает в синтез, то есть в органическое переплетение и соединение самых разнообразных духовных и материальных черт культуры различных народов. Появляется целый ряд оригинальных предметов ремесленного производства. Развивается по собственному пути монументальная архитектура, приводя к возникновению нового типа мавзолеев с более сложной планировкой и иными декоративными принципами. Происходят определенные сдвиги в духовных и религиозных представлениях. Одним из результатов этого можно считать появление захоронений в мечетях, что для средневекового ислама было неслыханным. Возможно, что этот обычай возник под влиянием русской традиции захоронений в церквях. Развивается и особый литературный язык, отражающий существование местных золотоордынских диалектов³⁵.

В культурном отношении Золотая Орда находилась в совершенно особом положении по сравнению с другими монгольскими государствами. Хулагуидский Иран и Юаньский Китай без труда переварили собственно монгольскую культуру, не оставив от нее и следа, поскольку местные традиции завоеванных народов имели глубокие и мощные корни. Собственно Монголия и ее столица Каракорум были доведены бесконечными войнами Чингизидов до полного духовного и материального обнищания, что привело к длительному политическому и культурному упадку страны. Уже в конце XIII в. даже съестные припасы в Каракорум доставлялись из

Ханбалыка, ибо население страдало от голода. В противовес этому в Золотой Орде монголы оказались не в противостоящей культурной среде, отторгавшей или поглощавшей их многовековой кочевой уклад, а в родственной — половецкой. В итоге две самостоятельные, но единые по духу культуры объединились в мощный поток, вобравший достижения покоренных народов. На этой основе в XIV в. золотоордынская культура получила новый толчок к развитию. Однако этому процессу не суждено было пройти все стадии эволюции в первую очередь из-за резко выраженной агрессивности государства, традиционно поддерживаемой кочевой аристократией.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Закончив кровавые завоевательные походы, монгольские отряды, отягощенные огромными обозами с награбленным добром и несчетными толпами пленных, расположились в конце 1242 г. в обширных степях между Дунаем и Обью. Новые хозяева кипчакских степей занялись не только отлаживанием собственного государства, но и установлением отношений с окружающими соседями. Вопрос о верховном правителе не вызывал сомнений ни у кого. Им стал по праву наследования хан Бату, второй сын Джучи и внук Чингисхана. Он пробыл на престоле Золотой Орды неполных 14 лет (1242—1256 гг.). Никаких собственно золотоордынских источников о деятельности Бату не сохранилось, и все сведения о нем и его времени содержатся в сочинениях арабских, персидских и русских летописцев. Что же представлял собой основатель нового государства, до сих пор проявивший себя лишь как удачливый полководец и беспощадный завоеватель, достойный мрачной славы своего деда?

Описание его внешности в сохранившихся источниках не содержится, хотя с ханом беседовали такие внимательные наблюдатели, как Карпини и Рубрук. Последний лишь упомянул вскользь, что «лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами»³⁶. Но материалы тех же источников позволяют составить достаточно полную характеристику первого золотоордынского

го хана как политического деятеля. Оценка его личных качеств самыми различными авторами средневековых сочинений на редкость единодушная. В первую очередь они обращают внимание на военную сторону деятельности хана, подчеркивая, что «в бою он весьма жесток; он очень пронизателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время»³⁷. Такая характеристика полностью соответствует общему тону русских летописей, повествующих о монгольском нашествии, разорении городов, избииении жителей и уgone пленных. Эта сторона деятельности хана, рисующая его в первую очередь как человека жестокого, бескомпромиссного и не гнушавшегося любыми средствами в военных действиях, была хорошо известна его окружению и в мирной жизни. От внимания Карпини не ускользнуло, что «Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх»³⁸.

Если действия Бату-полководца вызывали откровенный ужас, то последующая его деятельность пользовалась явным одобрением со стороны населения Золотой Орды и содействовала экономическому процветанию государства. Именно в этот период возникло почетное прозвище хана — Санн, т. е. справедливый, добрый, которое даже после смерти нередко заменяло его имя. Первоочередным делом при организации внутренней структуры государства для Бату стала раздача земельных владений (улусов) степной аристократии в полном соответствии с военными должностями. Одновременно с этим шло формирование государственного аппарата, нацеленного исключительно на сбор налогов и дани. Необходимо было также установить систему политического властвования над народами, территориально не входившими в Золотую Орду. В первую очередь это относилось к Руси. Все это Бату удалось осуществить в кратчайшие сроки, и уже через три года после возникновения нового улуса монгольской империи Карпини отметил, что «Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников»³⁹. Размах этого великолепия испытал и Рубрук, которого буквально потряс вид ханской кочевой ставки в степи: «Когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех льё»⁴⁰.

Однако при всей мощи армии и великолепии ханского двора Золотая Орда в политическом отношении не была самостоятельным государством, а составляла часть единой империи, управлявшейся кааном из Каракорума. Вассальную зависимость от центрального правительства подтвердил и Карпини, отметивший, что «Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться»⁴¹. Повиновение состояло в обязательном отчислении и отсылке в Каракорум части всех собранных налогов и даней. Для точного установления этой суммы каан присылал специальных чиновников, переписывавших все население (на Руси такие «численники» появились в 1257 г.). Ханы Золотой Орды не имели права утверждать русских великих князей на Владимирском столе, а могли назначать лишь владетелей более низких рангов. Именно поэтому русские князья Ярослав и его сын Александр Невский вынуждены были совершать длительное и тяжелое путешествие из Руси в Монголию. Более того, новый хан на золотоордынском престоле также должен был утверждаться в Каракоруме. В этом отношении характерно отсутствие у сарайских ханов права ставить свое имя на золотоордынских монетах. Не имели они права и на установление дипломатических связей с другими государствами, прием их представителей и ведение переписки с иноземными монархами. В полном соответствии с этим хан Бату отправил послов Карпини и Рубрука в Каракорум к каану, хотя европейские державы интересовала исключительно Золотая Орда и ее намерения, а не далекая и потому не воспринимавшаяся реально в международных политических расчетах Монголия.

Одно из важных направлений политики хана Бату сводилось к созданию благоприятных условий для развития международной и особенно транзитной торговли. Источники свидетельствуют, что «купцы со всех сторон привозили ему товары; все, что бы ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз большую того, что она стоила»⁴². Столь откровенное поощрение торговли привлекло к Золотой Орде внимание западно-европейского, в первую очередь генуэзского и венецианского, купечества. Немаловажную роль в поддержании торговли сыграли проложенные по приказу Бату тракты со специальными ямскими подставами, располагав-

шимися на расстоянии одного дневного перехода (25—30 км) друг от друга.

Хан Бату заложил основы золотоордынской государственности, опираясь при этом исключительно на привычные кочевые традиции и установления ясы Чингисхана. В полном соответствии с принятой в Каракоруме линией на максимальное извлечение доходов с покоренного населения при нем зарождается и начинает развиваться штат фискального чиновничества. Время правления Бату — единственный мирный период в истории Золотой Орды, что несомненно позволило сконцентрировать главные усилия на создании внутренней политической и экономической структуры.

Смерть Бату в 1256 г. привела к первой в Золотой Орде схватке за обладание престолом. В качестве законного наследника, утвержденного Каракорумом, выступал сын Бату Сартак. Однако ему так и не удалось сесть на отцовский трон, так как при возвращении из Монголии он неожиданно скончался, а скорее всего был убит. Вместо него на престол возвели малолетнего сына Бату Улагчи, который вскоре разделил судьбу Сартака. Очевидно, за кулисами этих событий стоял младший брат Бату — Берке. Именно он и стал правителем государства в 1257 г. Новый хан занял престол примерно в 50-летнем возрасте. Бывшие у него на приеме египетские послы увидели сидящего на троне пожилого человека, ноги которого в башмаках из красной шагреновой кожи покоились на специальной подушке, поскольку он страдал ревматизмом. Его большое круглое лицо желтого цвета обрамляла жидкая борода, а видневшиеся из-под шапки волосы были зачесаны за уши, в одном из которых висела золотая серьга со сверкавшим камнем. Оплывшее тело хана облегал шелковый халат, подбоясанный золотым поясом с переливавшимися драгоценными камнями и с аппликацией зеленой болгарской кожей особой выделки. Три жены Берке так и не осчастливили своего властелина сыном, поэтому в качестве наследника он утвердил одного из своих племянников — Мвегу-Тимура.

В отличие от времени Бату, когда все население наслаждалось покоем после тягот многолетних походов и ужасов войны, эпоха Берке была достаточно бурной и насыщенной событиями как во внутренней жизни государства, так и на внешнеполитической арене. Новый хан

еще в юности принял ислам и поэтому сразу же после вступления на престол объявил его государственной религией. Кочевая аристократия не пожелала расставаться с привычными языческими богами, сопровождавшими монголов во всех завоевательских походах, и не готова была переходить в лоно новой веры. А между тем хан начал энергично проводить исламизацию страны. Он пригласил из Ирана и Египта служителей культа, известных проповедников, богословов и ученых. Одновременно из Хорезма были доставлены новые партии ремесленников, строителей, керамистов и художников. Благодаря их трудам города Золотой Орды резко меняют свой облик. Кроме мечетей и духовных школ, появляются мавзолеи местных праведников и подвижников. Заметно оживляются торговые и дипломатические связи с исламским миром. Берке идет еще дальше, назначая на ответственные государственные посты широко образованных выходцев из стран среднего Востока. Недовольство монгольских феодалов подобными назначениями открыто пока не проявлялось, поскольку их внимание на какое-то время отвлекли другие события, происходившие за пределами Золотой Орды.

Одно из них касалось судьбы престола в Каракоруме, на который после смерти каана Мунке в 1259 г. претендовали два его сына — Аригбуга и Хубилай. Победа осталась за Хубилаем, после чего в 1260 г. он перенес столицу империи из Каракорума в Ханбалык, а свою династию на китайский манер назвал Юань. В результате поддерживавший Аригбугу Берке получил формальную возможность не подчиняться Хубилаю, поскольку его резиденция находилась не в столице, основанной Чингисханом, и даже не на территории Монголии. К тому же приверженность Аригбуге позволяла видеть в Хубилае узурпатора, захватившего власть с помощью действовавшей в северном Китае армии, которой он командовал. Следствием всех этих событий явился фактический развал монгольской империи на отдельные государства. По инерции Хубилая еще продолжали считать главой всех Чингизидов, однако никакого политического влияния за пределами находившихся под его непосредственной властью Китая и Монголии он уже не мог оказывать.

Еще одно крупное событие, происшедшее в годы правления Берке, наложило заметный отпечаток на всю

дальнейшую историю Золотой Орды. В 1263 г. началась 130-летняя война Джучидов против их родственников Хулагуидов, обосновавшихся в Иране. Обе ветви единого клана Чингизидов не поделили богатейшую и чрезвычайно притягательную для кочевников провинцию Азербайджан. Особое вожеление монголов вызывали находившиеся здесь степные районы Муган и Арран с мягким климатом и прекрасными пастбищами — идеальными зимовками для больших табунов лошадей и овечьих отар.

Суть конфликта состояла в том, что золотоордынские военные отряды участвовали в составе армии Хулагу при завоевании Ирана, междуречья Тигра и Евфрата и взятии Багдада, где был убит последний халиф. За такую помощь в соответствии с ясой Чингисхана Хулагу обязан был выделить определенные районы завоеванной территории, доходы с которых перечислялись Джучидам. Выделение таких районов было произведено, и доходы с них начали поступать в казну сарайских ханов. Однако Берке в качестве компенсации за помощь потребовал Азербайджан, мотивируя это тем, что он был завоеван еще при хане Бату. Получив отказ, Берке вспомнил, что он мусульманин, и обвинил Хулагу в убийстве главы ислама — багдадского халифа.

В разгоревшейся войне Золотую Орду поддержал мамлюкский Египет, опасавшийся экспансии Хулагуидов в сторону своих владений. На всем протяжении конфликта ни одной стороне не удалось добиться решающего перевеса, хотя Золотая Орда на короткий срок захватила даже столицу Ирана Тебриз. Сам же Берке умер в 1266 г. под Тбилиси во время одного из походов против Хулагуидов. Сменивший его Менгу-Тимур, как и последующие три хана, был язычником и никакого внимания распространению ислама не уделял. В результате первая попытка ввести ислам в Золотой Орде ограничилась распространением новой религии у части оседлого населения и возрастанием в городах прослойки мусульманского духовенства.

За время правления Бату и Берке Золотая Орда не только полностью оформилась как государство со всеми необходимыми атрибутами власти и общественного устройства, но и вступила в устойчивые экономические связи с азиатскими и европейскими странами, а также выработала стратегические направления внешнеполити-

ческих интересов. Можно сказать, что в последующей истории государства продолжалось углубление и развитие всех аспектов его внутренней и внешней политики, заложенных основателями. Такое постоянство объясняется не складывавшейся политической конъюнктурой или исключительным уважением к предкам, а застойным состоянием самого государства и особенностями кочевого феодализма, не просто тормозившего, а препятствовавшего внутреннему развитию общества. Концентрация огромных богатств, развитие культуры и ремесла, усложнение органов власти и увеличение чиновничьего аппарата не меняли сути воззрений степной аристократии и структуры ее власти над массой кочевников. Войны оставались основой политики Золотой Орды, и феодалы рассматривали их исключительно как средство собственного обогащения. Застывшие формы и методы ведения хозяйства приводили к дальнейшему обеднению низших слоев населения, рождая у них иллюзию восстановления благополучия путем участия в грабительских набегах.

Особенно наглядно застойность проявилась во время правлений Менгу-Тимура (1266—1280 гг.), Тудаменгу (1280—1287 гг.) и Тулабуги (1287—1290 гг.). Менгу-Тимур стал первым золотоордынским ханом, поместившим на монетах свое имя, что окончательно подтвердило суверенное положение Джучидов по отношению к метрополии. Из других событий его правления нужно отметить проведение в 1277 г. похода на Кавказ для взятия ясского города Дедакова. По требованию хана вместе с золотоордынскими войсками в этой кампании принял участие и отряд русских воинов. Посылка ратных сил русскими князьями в ханские войска являлась одной из форм проявления монгольского ига. Этот поход свидетельствует и о том, что горцы еще длительное время после образования Золотой Орды оставались свободными, доставляя монголам достаточно беспокойства.

На протяжении правления Менгу-Тимура, Тудаменгу и Тулабуги на фоне довольно частых грабительских походов во владения ближних и дальних соседей (Русь, Литва, Польша, Венгрия) и постоянно тлевшей борьбы с Хулагуидами, продолжалось медленное, но неуклонное развитие городской жизни. Полное невнимание к градостроительству со стороны правителей уже не могло остановить начавшегося процесса, поскольку на него силь-

ное непосредственное влияние оказывало развитие ремесла и торговли. Именно в этот период в Крыму и на Кавказском побережье появляются и растут итальянские города-колонии и фактории, заметно стимулировавшие не только местную торговлю, но и различные промыслы и ремесло. По сравнению с городами степь выглядела архаичной и консервативной. Жившие здесь феодалы считали себя хранителями истинно монгольских традиций, восходящих ко времени Чингисхана. Они являлись мощной военной и политической силой, не считавшейся с которой не могли даже сидевшие на сарайском престоле ханы. Именно с такими феодалами и их устремлениями связаны три крупнейших политических кризиса Золотой Орды, отражавших ее внутренние противоречия и заметно сказавшихся на всей истории государства.

Первый из этих кризисов начал проявляться сразу же после 14-летнего правления Менгу-Тимура, которое чисто внешне проходило довольно спокойно. Но дальнейшее развитие событий показало, что в недрах государства созрела мощная сила, не боявшаяся открыто противостоять центральной власти. Олицетворял эту силу один из крупнейших феодалов, Джучид по происхождению, Ногай. Еще во времена Бату и Берке он занимал пост беклярибека, второй по важности в государстве. В качестве командующего армией Ногай участвовал в столкновениях с Хулагуидами в Азербайджане, где был ранен и лишился одного глаза. Вскоре после этого он удалился в свой улус, располагавшийся в Пруто-Днестровском междуречье, на территории современной Молдавии. Путем завоеваний ему удалось значительно расширить владения на запад вдоль левого берега Дуная до венгерской крепости Турну-Северин.

Это был хитрый и изворотливый политик, не только расширивший свою территорию, но и укрепивший личные международные связи. Для этого он женился на побочной дочери византийского императора Михаила Палеолога Ефросинье. Породнившись с христианским государем, Ногай направил послание султану Египта с извещением о принятии ислама. В то же самое время он усиленно поддерживал слухи о своем ревностном отношении к заветам Чингисхана и соблюдении всех древних монгольских обычаев, что якобы завещал ему Бату.

Внутригосударственная политика Ногай во всех его

действиях была устремлена к отделению собственного улуса от Золотой Орды и созданию суверенного ханства. Не устраивавшие его ханы Тудаменгу и Тулабуга были свергнуты один за другим, а на сарайский престол в 1290 г. возведен Токта. Поначалу новый правитель, обязанный своей властью Ногаю, во всем следовал советам и всемерно поддерживал всесильного временщика. К этому времени Ногай настолько уверовал в свою мощь, что начал самоуправно распоряжаться делами в некоторых русских княжествах. В результате дошло до того, что русские летописи начали называть его «царем», т. е. титулом хана Золотой Орды.

Разобравшись в хитросплетениях политической игры своего благодетеля и поняв, куда нацелены его интересы, Токта потребовал от Ногая подчинения. Конфликт вылился в военное столкновение, в результате которого Токта был разбит. Только горечь поражения позволила хану в полной мере понять, насколько усилился его улусник. Лишь через 10 лет после восшествия на престол, в 1300 г., Токте удалось уничтожить соперника-сепаратиста, хотя его сыновья еще некоторое время продолжали борьбу с ханом.

Первый политический кризис в Золотой Орде практически привел к расколу государства. До его закрепления оставался один шаг — юридическое оформление, которым могло стать объявление Ногая ханом. Во время правления Токты Ногай уже обладал всеми признаками суверенной власти на огромной территории, включавшей земли по Дунаю, Днестру, Днепру и Крымский полуостров. Все налоги и дани с этих областей поступали Ногаю, и он распределял их земли в качестве улусов между своими приверженцами. Часть русских князей ездила к нему за получением ярлыков на княжение и, следовательно, привозила соответствующую дань, а также должна была поддерживать его войсками. Армия сарайского хана и сам он не рисковали появляться во владениях Ногая. Только решительные действия Токты, не отступившего после первой неудачи, предотвратили, казалось бы, неминуемый раскол государства. Токта, видимо, не просто уничтожил Ногая, но и, воспользовавшись случаем, избавился от других феодалов-сепаратистов, не проявлявших должной покорности хану. Из затяжного 20-летнего кризиса Золотая Орда вышла единым государством, но с осязаемой территориальной

потерей. Ей не удалось удержать земли, захваченные Ногаем вдоль левого берега Дуная, и западная граница владений Джучидов переместилась теперь к реке Прут.

После победы Токте удалось не просто сохранить единство Золотой Орды, но и восстановить авторитет и реальную силу центральной власти. Одним из показателей этого явилась проведенная ханом в 1310 г. денежная реформа, которая принесла казне немалый доход и унифицировала монетное обращение во всем государстве. С этого времени сократилось число центров монетной чеканки и основные денежные выпуски осуществлялись в столице. Усиление центральной власти и прекращение междоусобиц положительно сказались и на экономическом состоянии государства, оживив торговые связи между отдельными районами и создав благоприятные условия для увеличения внешней торговли. Все свидетельствовало о вступлении Золотой Орды в новый период ее истории, отмеченный печатью благоденствия. Но внезапная смерть Токты в 1312 г. привела, как это было уже не раз, к ожесточенной схватке за престол.

К его подножию рванулся молодой и энергичный ханский племянник Узбек, который в это время находился во главе армии, собравшейся в поход на Русь по велению Токты. Путь к трону ему преградила крепко спаянная когорта знатнейшей степной аристократии, категорически выступившей против его притязаний. Основной причиной этого стало исповедование Узбеком мусульманства и опасение, что он введет его в качестве государственной религии. Монгольские феодалы помнили введение ислама ханом Берке, когда им пришлось потесниться с высоких и выгодных государственных постов. Оценив создавшееся положение, Узбек быстро вернулся к оставленным войскам, окружил с их помощью столицу и перебил своих противников. Взойдя на престол, он принялся решительно и жестко насаждать новую религию, расправившись вначале со служителями языческих культов. Основываясь на неудачной попытке исламизации страны ханом Берке, Узбек приказал их всех казнить. После этого обращение в новую веру пошло столь успешно, что уже в начале 1314 г. довольный хан сообщал султану Египта о расширении границ влияния ислама «от Китая до крайних пределов западных государств»⁴³.

Время правления Узбека (1312—1342 гг.) — это выс-

шая точка политического могущества и экономического расцвета Золотой Орды. Именно в этот период начинается бурный рост городов, а в 30-е годы хан приступает к возведению новой столицы — Сарай ал-Джедид. Торговые караванные пути стали не только безопасными, но и благоустроенными. Одна из самых протяженных и интенсивных по движению дорог — из Сарая через пустынное плато Устюрт в Хорезм — была благоустроена караван-сараями с колодцами, располагавшимися один от другого на расстоянии дневного перехода каравана верблюдов. Хорезмийские, русские, кавказские, генуэзские, венецианские, египетские, немецкие и другие купцы стали постоянными и привычными фигурами на базарах Сарая.

Конечно, не новая религия определила этот взлет, ведь культура и вся жизнь государства доисламского периода уже несли на себе характерный восточный облик, соединявший монгольские, хорезмские, половецкие и другие черты. В то же время несомненно, что введение официальной государственной религии содействовало их углублению, так как заметно оживлялись и стали более распространенными связи с мусульманским миром. Настоящим источником расцвета Золотой Орды были те огромные богатства, которые стекались сюда в виде дани, налогов, военной добычи и прибылей от торговли. Транзитное положение государства в мощном двустороннем торговом потоке Восток — Запад и привнесенные вместе с исламом традиции пышной роскоши пробудили у кочевой знати стремление к перемене своего в общем-то достаточно простого жизненного уклада на ничем не сдерживаемое ослепительное великолепие.

В этот же период непомерно усиливается власть самого хана, а авторитет его становится непререкаемым. Во внешней политике Узбек основное внимание уделяет продолжению войны с Хулагуидами, упорно стараясь добиться присоединения Азербайджана. Затянувшаяся борьба требовала не только огромных средств, но и людских ресурсов, что отражалось на широких слоях населения государства. Источники сообщают, что в засухливые или неурожайные годы скотоводы-кочевники вынуждены были продавать своих детей для уплаты недоимок. А один из египетских купцов приобрел в Золотой Орде много детей в качестве рабов по случаю данного Узбеком «повеления выступить в землю Иранскую»,

ибо призываемым в войска необходимы были деньги для приобретения военной амуниции.

Слова знаменитой песни XIV в. о Щелкане — «у ко-го денег нет, у того дитя возьмет...» — показывают ме-тоды сбора дани и относятся именно к этому, особенно тяжелому для русского народа времени.

Против русских князей применялся самый настоящий террор, который должен был запугать их и лишить да-же мысли о противодействии сарайскому владыке. В 1318 г. был убит Михаил Ярославич Тверской, в 1326 г. — Дмитрий Михайлович Тверской и Александр Новосильский, в 1327 г. — Иван Ярославич Рязанский, в 1330 г. — Федор Стародубский, в 1339 г. — Александр Тверской и его сын Федор. Кровавые расправы достигли цели, и, по словам русского летописца, наступила «ти-шина велика на 40 лет и престаша погании воевати Рус-скую землю»⁴⁴. Теперь на Руси не появлялись то и дело карательные золотоордынские отряды. Запуганные рус-ские князья сами привозили дань в ханскую ставку. Монгольское иго на Руси вступило в новую стадию, ког-да беспощадное военное давление было заменено не менее тяжелым, но более изощренным экономическим. А Узбек в результате получил возможность не распы-лять свои войска, а концентрировать их на иранском на-правлении.

Однако самому Узбеку так и не удалось добиться сколько-нибудь серьезного успеха и закрепиться в Азер-байджане. Зато его сын Джанибек сумел в 1356 г. за-хватить не только северный и южный Азербайджан, но и столицу Ирана Тебриз, после чего оставил своего сы-на Бердибека наместником оккупированных земель, а сам отбыл домой. Затяжная схватка, казалось, наконец решилась в пользу Золотой Орды. Однако уже в сле-дующем году все столь вожаделенные территории вновь были утеряны, когда Бердибек, бросив их на произвол судьбы, ускакал в Сарай, боясь упустить престол, по-скольку ему сообщили о болезни отца. Переступив через его труп, Бердибек приходит к мысли, что точно так же с ним могут поступить его родственники. Без долгих со-мнений он приказывает убить 12 братьев, не пощадив даже 8-месячного ребенка. Это привело к тому, что по-сле смерти Бердибека в 1359 г. в государстве не оста-лось ни одного мужского представителя династии, вос-ходящей по прямой линии к Бату.

Со смертью Бердибека в Золотой Орде начинается второй затяжной политический кризис, который закончился только в самом конце 1380 г. Предпосылки его вызревали постепенно и подспудно еще в годы правления Узбека и Джанибека. При этих ханах неуклонно начало возрастать могущество значительной группы феодалов. Их доходы складывались от грабительских войн и дани с покоренных народов, сбора налогов с собственных улусов и выгод важных государственных постов, прибылей от внутренней и внешней торговли и тарханства (освобождения от податей). В качестве примера можно привести улусбека Хорезма Кутлуг-Тимура, который именовал себя чрезвычайно пышным титулом, где слово «царь» было самым скромным. Такое подчеркнутое возвеличивание собственной персоны способствовало впечатлению, что улусбек является не правителем одной из частей Золотой Орды, а главой вассального государства, находящегося в зависимости от хана. Огромными материальными ресурсами и значительной политической властью располагали стоявшие несколько ниже улусбеков темники. Каждый из них получал в год доход в 100—200 тыс. золотых динаров, что в пересчете на имевшие хождение в Золотой Орде серебряные монеты составляло 600 тыс. — 1 млн. 200 тыс. диргемов. Они имели собственные прекрасно вооруженные дружины численностью в несколько тысяч воинов. Объединение таких феодалов создавало реальную угрозу свержения неугодного хана или даже раскола государства, как это было при Ногае. Истинная мощь феодальных группировок бурно выплеснулась наружу во время второго политического кризиса или, по определению русских летописей, «великой замятни» в Золотой Орде.

Это был один из самых темных и запутанных периодов в истории государства Джучидов. За 20 лет междоусобной войны на престоле побывало более 20 ханов, причем некоторые из них правили всего лишь по несколько дней. Единственное, что они успевали за этот срок, — отчеканить монеты с собственным именем. Огромное, мощное, наводившее страх на соседей, казавшееся несокрушимым государство на глазах разваливалось на куски. И самую главную роль в этом сыграл Мамай, бывший беклярибеком при Бердибеке и к тому же женатый на ханской дочери. Одна из характеристик изображает Мамай человеком средних лет, не слишком

твёрдым разумом и не памятьливым в своих речах. Сохранилось его прозвище — Теляк (заика, бормотун), что указывает на определенный физический недостаток. При всем этом он был достаточно хитрым дипломатом и изворотливым политиком, но крайне неудачливым военачальником. Появление его на арене междоусобной схватки относится к весне 1361 г., когда не только накал борьбы, но и число претендентов на престол достигло апогея.

Весной 1361 г. в Золотой Орде сложилась напряженная обстановка. Сидевшего на престоле хана Хызра убил занявший его место сын Тимур-ходжа. Мамай поднял против него мятеж, объявив ханом Абдуллаха. Тимур-ходжа бежал из Сарая ал-Джедид на правый берег Волги, где и был убит преследовавшим его Мамаем. В столице в это время престол занимает новый хан — Орду-мелик, а Мамай удаляется в принадлежащий ему улус Крым, прихватив с собой марионетку Абдуллаха. Не будучи Чингизидом, Мамай не мог претендовать на обладание престолом, ибо законным правителем в монгольских государствах считался лишь тот, кто по прямой линии родства восходил к Чингисхану. Именно поэтому всемогущий беклярибек и укрывался за спиной марионетки, не имевшей фактической власти. Проведя год в Крыму и основательно подготовившись к дальнейшей борьбе, Мамай вновь появляется на берегу Волги осенью 1362 г., когда в Сарая ал-Джедид сидел уже новый хан Мюрид. Столкновение армий мятежного беклярибека и Мюрида привело к отступлению последнего на левый берег Волги в столицу государства. Это событие фиксирует раскол Золотой Орды на две части, границей между которыми стала Волга. Территория восточнее Волги подчинялась сидевшему в Сарая ал-Джедид хану, а степи к западу от Волги до Днепра и Крым принадлежали Мамаю и его подставным правителям.

Это было основным, но далеко не единственным событием второго кризиса, потрясшего государство. После убийства Хызра от Золотой Орды откололся Хорезм, правители которого давно мечтали стать самостоятельными. Политическая сумятица и административное безвластие отразились и на западных границах государства. Проживавшее в Прикарпатье молдавское население воспользовалось создавшейся выгодной ситуацией и вытеснило монголов из Пруто-Днестровского междуречья.

Здесь же Золотую Орду ждала еще одна территориальная потеря. В 1362 г. литовский князь Ольгерд нанес монголам крупное поражение у реки Синие Воды, взяв под свой контроль огромный район между Днестром и Днепром. Обе потери привели к перемещению государственной границы Золотой Орды на восток, и естественным рубежом ее стал Днепр. В среднем Поволжье один из крупных золотоордынских феодалов Булак-Тимур, захватив город Болгар и прилегавшие районы, перерезал главный торговый водный путь Восточной Европы. Более мелкие феодалы обосновались в Хаджитархане, Сарайчике, Мохши и в районе южнее р. Пьяны. Каждый из новоявленных владельцев с недоверием относился к соседям, и между ними шла непрерывная борьба. О полном развале, неустроенности и военной немощи Золотой Орды этого периода свидетельствует тот факт, что новгородские ушкуйники дважды проходили по всей Волге до низовья и даже штурмовали Сарай.

Одним из последствий бесконечных междоусобиц стал отток населения из центральных районов государства на тихие окраины, где можно было переждать лихолетье. Особенно заметно переселение в северные лесистые районы на правобережье Камы. Именно в это время здесь возникает новый город — Казань (около 1370 г.), быстрому развитию которого способствовало окраинное положение, куда не достигали волны междоусобных схваток. На левом берегу Волги появляется еще один населенный пункт, соответствующий современным Чебоксарам. Значительную часть его населения также составили выходцы из районов камского левобережья.

Мамай, проводивший (по сравнению с сарайскими ханами) более действенную и энергичную политику, не только постепенно добился ликвидации всех обособившихся феодалов на своей территории, но и несколько раз захватывал Сарай ал-Джедид. Однако удержать его так и не смог, вновь отступая на правобережье Волги. Нужна была решающая победа, которая не просто гарантировала объединение государства, а давала Мамаю моральное право сильного присвоить себе титул хана. Для такого решительного поворота не хватало средств и сил. И то и другое Мамай категорично потребовал у московского князя Дмитрия Ивановича. Получив твердый отказ, он направил на Русь в 1378 г. войско Бегича, полностью уничтоженное в битве на Воже. После этого

началась серьезная дипломатическая подготовка для сколачивания сил против Дмитрия. События подстегивали Мамай, так как в Кок-Орде, за Яиком, собирал армию Чингизид Токтамыш, обладавший мощной поддержкой Тимура в своем желании занять золотоордынский престол.

Примерно 50-тысячная армия Мамай потерпела сокрушительное поражение на Куликовом поле, что несомненно облегчило Токтамышу приход к власти и объединение государства. Осенью 1380 г. он занял обе столицы и стал полным хозяином на левобережье Волги. Переправившись на правый берег, он встретил у р. Калки Мамай, собиравшего после Куликовского разгрома новое войско. Соратники Мамай без колебаний перешли на сторону Чингизидов, а бывший беклярибек бежал, но был настигнут и убит. На золотоордынском престоле утвердился молодой, энергичный и честолюбивый хан, восстановивший единство государства в самые короткие сроки. Правда, западной границей так и остался Днепр, но, как скоро выяснилось, хана не прельщали земли, лежавшие за ним, у него были совершенно иные планы.

Как истинный Джучид, привыкший к мысли о полном подчинении русских и видевший в Руси только один из источников пополнения своей казны, Токтамыш не мог простить московскому князю позорного, с его точки зрения, разгрома на Куликовом поле. Он стремился не просто к мести, а к восстановлению политической зависимости Руси и увеличению почти иссякшего денежного потока дани, составлявшего заметную часть ханских доходов. Эти планы были не просто удовлетворением безмерного честолюбия; они ложились в фундамент тайне лелеявшейся и глубоко скрываемой до поры стратегии внешней политики Токтамыша. В походе 1382 г. на Москву хан учел все ошибки и промахи Мамай, что позволило выполнить основную задачу — запугать русских князей и восстановить диктат в получении дани. Только после этого Токтамыш обратил всю свою энергию на воплощение сокровенных планов. Судя по дальнейшему развитию событий, они состояли в попытке возрождения былого могущества Джучидов и расширения их владений за счет Ирана и Средней Азии, то есть территорий, входивших в это время во владения Тимура.

Правление Токтамыша, по сути дела, последнего ха-

на единой и еще мощной Золотой Орды, полностью сравнимо с основными этапами возвышения Чингисхана. Как и его великий предок, Токтамыш получил престол при сильной поддержке извне после многолетних скитаний и неудач. Точно так же он объединил государство и привел к покорности соседей. Точно так же он несколько лет тщательно и напряженно готовился к очень крупной военной кампании. Точно так же он успешно начал ее, практически не скрывая намерения возродить былую мощь и славу империи Чингизидов чуть ли не в прежних границах. В своих далеко идущих планах Токтамыш уповал на то, что монгольское государственное единство вырабатывалось, спланировалось и поддерживалось крупными военными походами, в которых участвовали все общественные слои кочевого населения. Вот по этой-то испытанной схеме и начал действовать Токтамыш. Но сравниться во всем со своим знаменитым предком ему не хватило ни сил, ни умения, да и эпоха была уже другой. Последнему по-настоящему сильному и энергичному Чингизиду противостоял мощный, коварный и искушенный в постоянных войнах Тимур. Тщеславные мечты Токтамыша обернулись откровенной авантюрой с трагическим концом не только для него, но и для всего государства.

За первые десять лет своего правления новый хан преуспел во многом, а самое главное, он проводил традиционно агрессивную золотоордынскую политику, что обеспечивало ему поддержку степной аристократии. С 1380 по 1390 год он сумел восстановить единство государства, провести денежную реформу, добиться восстановления зависимости русских княжеств, захватить вожаемые районы Закавказья (1385 г.), включавшие города Баку, Марагу, Маранд, Нахчеван, Тебриз, и напасть с севера и востока (из Хорезма и Сыгнака) на владения Тимура (1387 г.). Больше того, золотоордынские войска достигли столицы Тимура Самарканда и крупного торгового центра Бухары. Тимур срочно выслал из Шираза отборный корпус на помощь осажденным, что сорвало планы завоевателей. В начале 1388 г. Железный Хромец во главе со своей армией возвратился в столичные области, и Токтамыш в срочном порядке откатился на север. Преследуя его, армия Тимура ворвалась в золотоордынский улус Хорезм, взяла его административный центр, полностью разрушила город, за-

сеяв развалины ячменем, а всех жителей угнав в Самарканд.

Неудачи ничуть не обескуражили Токтамыша, и он с настойчивостью маньяка продолжал нападать на владения своего бывшего благодетеля. Надо сказать, что Тимур смотрел на столь неблагодарные действия своего выкормыша достаточно сдержанно в течение пяти лет. Он неоднократно направлял золотоордынскому хану послов с предложением решить конфликт чисто мирным путем. Но Токтамыш упрямо, хотя все так же безуспешно, продолжал идти по военной стезе. Наконец терпение Тимура лопнуло, и в январе 1391 г. из Ташкента выступила огромная армия во главе с самим Потрясателем Вселенной, направившаяся через пустынные степи в Золотую Орду. Труднейший, почти полугодовой переход завершился на левобережье Волги, несколько севернее Самарской излучины. Здесь на реке Кундурча 18 июня 1391 г. армия Токтамыша была полностью разгромлена, и остатки ее преследовались вплоть до Волги. Тимур ограничился этой победой и, не задерживаясь далее в пределах Золотой Орды, увел домой свою изрядно выдохшуюся в дальнем и тяжелом походе армию.

Преподанный урок не пошел впрок хану Золотой Орды, и через три года он вновь послал полки во владения Тимура. Ответ последовал весной 1395 г., когда вся военная мощь Тимура медленно перелилась из Закавказья через узкое горло Дербентского прохода на простор золотоордынских степей. Армия Токтамыша практически была уничтожена тут же, на берегах Терека, а сам он бежал и укрылся где-то в северных лесах. После этого началось методичное уничтожение оседлых центров Джучидского государства. Маршруты войск Тимура исчертили всю территорию Золотой Орды в самых различных направлениях. Практически все города были сожжены и разграблены без особых усилий, так как фортификационных сооружений вокруг них не было, а насипы насыпавшиеся валы не представляли серьезной преграды. Именно города стали желанной добычей для завоевателей, так как здесь за полгора века осели бесчисленные богатства со всего мира. Они стекались сюда после грабительских походов, привозились торговыми караванами, доставлялись в качестве даней и многочисленных приношений.

Через год, весной 1396 г., армия Тимура ушла через

Дербент с огромной добычей и тысячами угнанных в рабство пленных. Тимур не собирался присоединять Золотую Орду к своим владениям, поэтому он не оставил здесь каких-либо гарнизонов или наместников. Основная цель его похода состояла в уничтожении джучидской военной мощи и максимальном подрыве экономического потенциала государства. Самаркандский владетель не стал утруждать себя и поиском подходящей марионетки для трона Золотой Орды. Он был абсолютно уверен, что с этой стороны ему больше никогда не будет сколько-нибудь серьезной угрозы.

После ухода Тимура Джучидское государство так и не смогло возродиться в прежних формах и на прежней территории. Наступил третий кризис в его истории, который привел к окончательному распаду грозной державы. 1395 г. практически последний год существования той Золотой Орды, которая приводила в трепет ближних и дальних соседей. Это был рубеж качественно нового времени, возвращавшего мощную степную империю на исходные позиции разрозненных кочевнических объединений, враждовавших друг с другом. Где-то в северных лесах еще скитался Токтамыш (он умер в 1405 г. в районе Тюмени). На золотоордынском троне в это время утвердился Тимур-Кутлуг, но практически вся власть находилась в руках беклярибека Едигея. И вновь повторялась ситуация с Мамаем и Ногаем, когда феодальные группировки начинали борьбу за власть. Агония распада длилась до середины XV в., но уже с самого начала этого столетия было ясно, что прошлая мощь Джучидов больше не вернется.

Во второй половине XV в. на месте обширного Джучидского государства появились новые политические образования, являвшиеся прямыми наследниками Золотой Орды. Они занимали часть бывшей золотоордынской территории, и их население составляло определенный компонент бывших жителей Джучидского улуса. Через 200 лет после создания ханом Бату монгольского государства, располагавшегося на просторах Европы и Азии, оно распалось на следующие составные: Большая Орда, Астраханское ханство, Казанское ханство, Крымское ханство, Сибирское ханство, Ногайская Орда. Все они существовали обособленно, враждуя и мирясь друг с другом и со своими соседями. Дольше других длилась

история Крымского ханства, которое перестало существовать в 1783 г. Это был последний осколок Золотой Орды, пришедший из средневековья в новое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды восточного отделения имп. археологического общества. — СПб., 1864 — Т. 8; Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния кипчакского царства. — Казань, 1895.

² Полное собрание русских летописей. — М., 1962. — Т. 2. — Стб. 794.

³ Тизенгаузен В. Г. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 206.

⁴ Путешествия в Восточные страны. Плано Карпини и Рубрика. — М., 1957. — С. 67—68.

⁵ Там же. — С. 68.

⁶ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — С. 235.

⁷ Мэн-да Бэй-лу (полное описание монголо-татар). — М., 1975. — С. 48.

⁸ Путешествия в Восточные страны... — С. 114—115, 180.

⁹ Мэн-да Бэй-лу. — С. 123—124.

¹⁰ Козян С. А. Сокровенное сказание. — М.—Л., 1941. — С. 165.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. — М.—Л., 1964. — Т. IV. — С. 59; Карамзин Н. М. История государства Российского. — СПб., 1818. — Т. 3. — С. 172, прим. 296.

¹² Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. — СПб., 1823.

¹³ ПСРЛ. — СПб., 1903. — Т. 19. — Стб. 5—8.

¹⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — С. 290.

¹⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — Т. 2. — С. 67.

¹⁶ Путешествия в Восточные страны... — С. 91.

¹⁷ Там же. — С. 45.

¹⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — Т. 1. — С. 230.

¹⁹ Там же. — С. 249.

²⁰ Путешествия в Восточные страны... — С. 91.

²¹ Леопольдов А. Историко-статистическое описание За-волжского края Саратовской губернии 1837 года. Материалы для статистики Российской империи. — СПб., 1839. — Т. 1, отд. 2. — С. 97.

²² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — Т. 1. — С. 306.

²³ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 196.

²⁴ Егоров В. Л., Юхт А. И. В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Советская археология. — 1986. — № 1. — С. 235.

²⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — М.—Л., 1950. — С. 29.

²⁶ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11. — С. 96.

²⁷ ПСРЛ. — М.—Л., 1949. — Т. 25. — С. 222.

²⁸ Путешествия в Восточные страны... — С. 78, 143.

²⁹ Там же. — С. 91.

- ³⁰ Там же — С. 104.
³¹ Там же. — С. 95.
³² См. там же.
³³ Там же. — С. 100.
³⁴ Традиционное сельское жилище у народов Центральной и Юго-Восточной Азии. — М., 1980. — С. 209—215.
³⁵ Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. Сб. ст. Мир-Али-Шир. — Л., 1928. — С. 4—5.
³⁶ Путешествия в Восточные страны., С. 120.
³⁷ Там же. — С. 71.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же. — С. 119.
⁴¹ Там же. — С. 69.
⁴² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — Т. 2. — С. 15.
⁴³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. — Т. 1. — С. 197.
⁴⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. — М.—Л., 1950. — С. 359.

Научно-популярное издание

Вадим Леонидович Егоров

ЗОЛОТАЯ ОРДА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Гл. отраслевой редактор *А. Н. Киляхин*

Редактор *Л. П. Петренко*

Мл. редактор *М. А. Долинская*

Худож. редактор *М. А. Гусева*

Техн. редактор *О. А. Найденова*

Корректор *Л. С. Соколова*

ИБ № 11130

Сдано в набор 05.06.90. Подписано к печати 07.08.90. Формат бумаги 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.изд. л. 3,49. Тираж 67 912 экз. Заказ 955. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 900109. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.